

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Институт археологии

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 19

Ташкент

Издательство „Фан“ Узбекской ССР

1984

Д. К. Мирзаахмедов

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ БУХАРЫ РАЙОНА МАВЗОЛЕЯ САМАНИДОВ^I

Один из древнейших городов Средней Азии Бухара богат не только историческим прошлым, но и уникальными памятниками архитектуры. При археологических раскопках и строительстве объектов мы часто сталкиваемся с фрагментами архитектурного декора и даже с остатками не дошедших до нас монументальных сооружений, проливающих дополнительный свет или по-новому освещающих историю города.

Одной из таких находок последних лет явилось открытие в декабре 1971 г. при земляных работах по устройству озера на территории парка им. С. М. Кирова в 240 м западнее мавзолея Саманидов, под 2,5 м слоем земли, нижних частей крупного сооружения. Так как нам сообщили об этом несколько позже, то на месте обнаружили частично засыпанный котлован, образовавшийся от выборки кирпича в плотном слое земли. Здесь же был найден фрагмент венчика блюда с зелено-желтой росписью и процарапанной орнаментацией, характерной для конца IX – пер. пол. X в., и масса обломков кирпичей 21х21х3, 23х23х3, 43х?х4 см.

Для выяснения характера сооружения котлован был очищен от насыпной земли, обнаружены следы квадратного в плане сооружения внешними размерами 10,5х10,5 м. Следы эти представляют собой котлованы для фундаментов шириной 2,6 м, с высотой внутренних стенок 1,30 и внешних 1,40 м; следовательно, до выборки кирпича сохранился не только фундамент, но и частично цоколь сооружения.

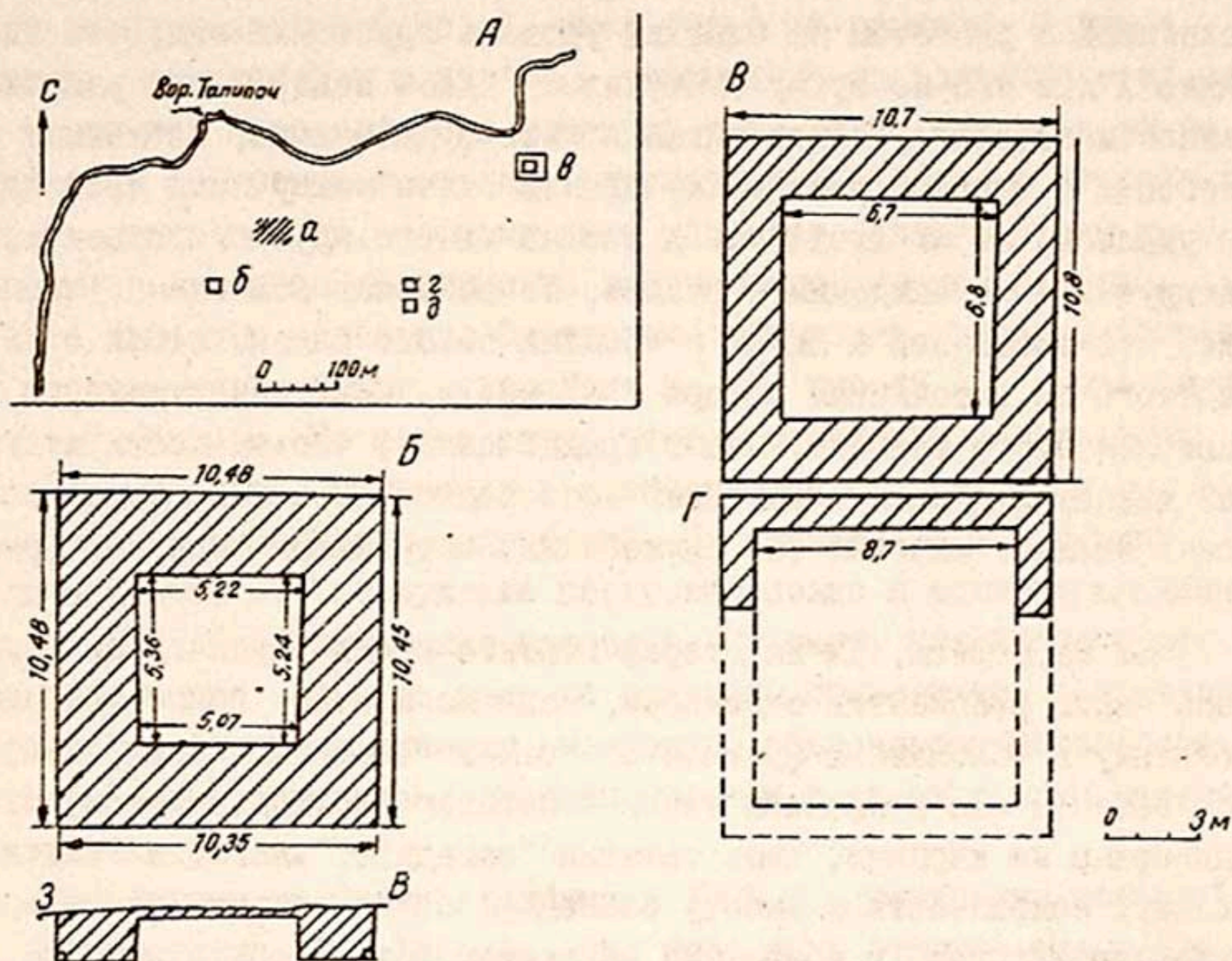
^I Предлагаемая публикация – изложение доклада, прочитанного на заседании секции "Средняя Азия и Кавказ" на Всесоюзном Археологическом пленуме, посвященном 60-летию советской археологии, проходившем в Ленинграде 17–21 апреля 1979 г.

В юго-западном углу западной стороны фундамент заканчивался небольшой ступенькой вовнутрь шириной 23 (видимо, на кирпич 23х23х3 см) и высотой 20 см; на других сторонах фундамента зафиксировать эту ступеньку не удалось. С западной стороны к сооружению на уровне 1,30 м от подошвы фундамента вплотную примыкали остатки частично сохранившейся выстилки из кирпичей 23х23х3 см; с других сторон сооружения остатков выстилок не обнаружили. Это указывает не только на то, что фасад и вход в здание, по всей видимости, располагались с запада, но также на точную высоту фундаментов — 1,30 м, выше которой без всяких уступов (с внешней стороны) шла цокольная часть здания.

По рассказам очевидцев, фундаменты почти полностью были выложены из цельного и обломков кирпича на лёссовом растворе. Лишь подошва северо-западного угла была сложена из рваного известнякового камня. Отпечатки кирпичей и известняковых камней четко читались на стенах котлована.

Расположенный рядом мавзоль Саманидов, размеры которого почти в точности совпадают с размером вновь обнаруженного, соответствие их ориентаций по сторонам света, размеры кирпичей, фрагмент керамики и нахождение в этом районе мазара времени Саманидов навело нас на мысль, что вскрытое сооружение — неизвестный ранее мавзоль (условно его назовем "западным"), причем с квадратным основанием, видимо характерным для ранних мавзолеев Мавераннахра IX — пер. пол. X в. (рис.). Здесь же, в метрах 50–60 северо-восточнее вскрытого мавзолея, также были разрушены остатки фундаментов, различных по длине и ширине взаимно связанных помещений. На одном из участков удалось замерить частично сохранившиеся и примыкающие друг к другу под углом стены фундаментов шириной 2,13 и 0,72 м, а общая протяженность одной из полностью несохранившихся стен равнялась 8 м. Фундаменты дошли до нашего времени на высоту не более 30–40 см и сложены в основном из кирпича 23х23х3 см с частичным использованием кирпичей 39х39х5, 58х58х5,5 см и известняковых плит 60х40х8 см.

Наличие мощных стен фундаментов, построенных строго симметрично с использованием разноформатных кирпичей на лёссовом растворе и хорошо обработанных известняковых плит указывает на монументальность постройки, носившей, видимо, общественный харак-

Бухара. А — схематический план западной части города: а — остатки фундаментов неизвестных сооружений, б — западный мавзолей, в — мавзолей Чашмаи-Айуб, г — мавзолей Саманидов, д — южный мавзолей; Б — план западного мавзолея, внизу разрез по линии 3-В; В — план мавзолея Саманидов; Г — план южного мавзолея, заштрихованная часть — кирпичная кладка.

тер². Здесь же чуть восточнее, но несколько ниже по уровню, были прослежены остатки фундаментов (кирпич 23х23х3 см), выложенных на кыровом растворе. Поскольку такой раствор имеет гидроизо-

² Отметим, что здание по уровню было построено выше близлежащих сооружений и, по всей видимости, фундаментом ему служило, несколько заглубленное в грунт, продолжение цоколя.

ляционные свойства, эти кладки фундаментов с самого начала выполнялись с расчетом на близкий уровень грунтовых вод, что было видно и при нас по сразу выступившей здесь воде. Из-за разрозненности остатков, находящихся вблизи фундаментов, сложенных на лёссовом и кыровом растворах, прямой связи между ними проследить не удалось, но их вхождение в состав одного крупного объекта, датированного саманидским периодом, не вызывает сомнения. Учитывая, что восточной и южной сторонами объект близко стоял от известного по источникам мазара IX-X вв. и вновь обнаруженного мавзолея этого периода, можно предположить, что он носил культовый характер и имел к мавзолею непосредственное отношение, возможно являясь мечетью (со служебными постройками) при них (рис.).

Ни на первом, ни на втором объекте среди кирпичей не удалось найти фрагментов с декором, если не считать спиленных наполовину и обломанных фрагментов со 2-го объекта. Несомненно, оба объекта еще в прошлом почти полностью (до фундаментов) были разобраны на кирпичи, лишь остатки "западного" мавзолея имели большую сохранность в высоту благодаря более значительному заглублению в грунт, в сравнении со вторым объектом³.

Отметим, что остатки еще одного сооружения мавзолеевого типа были обнаружены в 1926 г. В.Л.Вяткиным при расчистке территории на ширину 4,5 м вокруг мавзолея Саманидов от окружающих могил. Эти сведения содержатся в неопубликованном отчете Вяткина, посвященном раскопкам мавзолея Саманидов и хранящемся в архивах Главного управления по Охране памятников Узбекистана и в ЦГА УзССР⁴. Данное сооружение одной стороной вплотную примыкало к

³ Предварительное обобщение результатов раскопок с привлечением исторических источников, датировки и назначения, на основе чего делается пересмотр взглядов на историю мавзолея Саманидов, в виде отчета было передано нами в 1975 г. гл. архитектору ТСНРПМ В.М.Филимонову, по линии которой мы проводили раскопки в Бухаре. Другой экземпляр отчета в 1976 г. был направлен д-ру искусствоведения Л.И.Ремпелью, д-ру архитектуры М.С.Булатову и к.и.н. Б.Д.Кочневу, которым выражаем признательность за ценные советы и рекомендации.

⁴ В я т к и н В.Л. Мавзолей ами́ра Исмáила в Бухаре. Архив ГУОП и ИЗО. Мин.культ. УзССР, инв. № В-²⁹₅₉₉, 1931 г.; ЦГА УзССР, ф.1591, оп.1, ед.хр. 48.

южной стене мавзолея (рис.), имея такие же размеры, а двумя другими — восточной и западной — составляло продолжение стен на юг, уходя под нераскопанное пространство. Стены или фундаменты начинались на уровне выстилки, окружавшей мавзолей, и сохранились до верха цоколя, местами выше мавзолея. Кладка стены шириной 1 м произведена на глине из квадратного кирпича 24x24x3, 44,5x44,5x5 см и обломков. Отсутствие украшений, проемов дверей или арочных ниш, видимо, указывает на то, что до нас дошла нижняя часть здания. На месте стыка этого сооружения с мавзолеем Саманидов частично сохранилась алебастровая штукатурка в три слоя, причем два сильно загрязнены. Из сказанного В.Л. Вяткин заключает, что это сооружение построено позже и могло предназначаться: 1) для обслуживания мавзолея, 2) иметь независимое от него назначение, 3) быть даже не закрытым помещением, а могилой-суфой⁵. Эта неопределенность, возможно, объясняется нераскопанностью всего сооружения и ограниченностью в связи с этим фактического материала.

Дальнейшую разборку кладбища в 1939 г. производил сотрудник Бухкомстариса С.К. Кабанов, при этом были открыты еще остатки других зданий. Руководил работами Б.Н. Засыпкин, производивший реставрацию мавзолея Саманидов в 1937–1939 гг. и проливший дополнительный свет на характер вскрытых сооружений в своем отчете: "Это подтверждается открытыми фундаментами неизвестных зданий, примыкающих к мавзолею с юга, выложенных из такого же кирпича и на таком же растворе и существовавших не ранее мавзолея Саманидов. Когда строился мавзолей Саманидов, здания квадратного в плане, фундаменты которого отстояли от фундаментов мавзолея на 4–5 см, еще не существовало, так как иначе нельзя было сделать южного фасада существовавшего мавзолея. Размер кирпича, раствор, манера кладки сближают их с мавзолеем Саманидов, поэтому датировать эти остатки неизвестных зданий нужно IX в."⁶ Таким образом, можно заключить, что, по крайней мере, одно здание примыкавшее к мавзолею Саманидов было, вероятно, квадратным и

⁵ Вяткин В.Л. Указ. работа, Архив ГУОП..., с. 37–38.

⁶ Личный архив Б.Н. Засыпкина, ЦГА УзССР, ф. № 2406, оп. № I, ед.хр. № 549, с. 2.

соответственно совпадало по размерам с ним. По всей видимости, оно также являлось мавзолеем, построенным в более поздней аналогии, по принципу родовых усыпальниц Тимуридов в Шахизинде (условно назовем его "южным").

Но так как в отчете шла речь о нескольких зданиях, то весьма вероятно, что здесь могли располагаться служебные и культовые постройки, относившиеся к этим мавзолеям. Отнесение Б.Н.Засыпкиным описанных сооружений к IX в., видимо, следует принять с некоторой осторожностью. Они также построены при Саманидах, но в пределах X в., хотя, возможно, здесь могли располагаться и более ранние мавзолеи или, вероятнее, надгробия, так как найденные при раскопках вокруг мавзолея Саманидов фрагменты резной неполированной облицовочной терракоты опубликованы и датируются Л.И.Ремпелем даже в пределах VIII–IX вв.⁷

Следовательно, нахождение в исследуемом районе остатков двух мавзолеев и возможность существования других свидетельствуют, что подобные сооружения были не единичны даже в пределах данного кладбища, и ставят перед нами задачу их интерпретации, а также пересмотра взглядов на историю самого мавзолея Саманидов.

Известно, что впервые конкретную датировку мавзолея Саманидов рубежом IX–X вв. предложил М.Ю.Саиджанов, опиравшийся на известную вакфную грамоту Исмаила, где было написано, что мазар отца Исмаила – эмира Ахмеда "находится вне древней крепости Бухары на улице четырех куполов в западной части города"⁸.

Подробный перевод и разбор этой вакфной грамоты был произведен О.Д.Чехович, которая на основании палеографических данных совершенно справедливо отметила, что документ был написан в начале XIX в. и является мнимым⁹. Позже был найден другой, более ранний экземпляр (1525 г.) этой вакфной грамоты. На ее основании О.Д.Чехович пришла к выводу, что и ранее опубликованный документ в своей основе имел фактическое содержание, восходящее к XVI в., а, возможно, и более раннюю традицию¹⁰.

⁷ Р е м п е л ь Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. – Ташкент, 1961, с.135, рис.53.

⁸ С а и д ж а н о в М.Ю. Город Бухара и ее старинные здания. – Маориф ва уқитувчи, 1927 г., № 9–10, с.53–54.

⁹ Ч е х о в и ч О.Д. Крестьянские обязательства 1914 г. на основании мнимой грамоты Исмаила Самани. ИЗ, т.33.–М., 1950, с.266.

¹⁰ Она же. Новая коллекция документов по истории Узбекистана. ИЗ, т.36.–М., 1951, с.267–268.

В.Л.Вяткин сопоставил сведения о "месте четырех куполов" с данными Наршахи, где упоминается кладбище с могилой пророка Айуба, и источником при ней в местности, которая называется Кушк-и Кавшгарон (киоски выделявателей калош), так как там находились "тимы" (крытые базары) калошников. В XIII в. этот квартал был в разрушенном состоянии и находился под кладбищем^{II}.

Опираясь на описание этого района у Ал-Истахри, О.Г.Большаков отмечает, что, по крайней мере, часть рабада Бухары в середине X в. доходила до Науканде, т.е. линии западной стены позднесредневекового города, хотя в то время этот участок мог быть застроен менее плотно¹².

От себя можем добавить, что, судя по археологическим материалам, эта территория начала обживаться при Саманидах. Следы последующего обживания отличаются эпизодичностью, и только в XIX в. она была застроена полностью.

Далее в вакфной грамоте указывалось, что в 254 г.х.¹³ Исмаил скупил и пожертвовал около тысячи танавов земли как вокруг существующего тогда мазара, вплоть до Регистана, так и в округе Бухары для своих потомков и мазара своего отца¹⁴. Здесь же о погребении Исмаила сказано, что он умер 14 сафара 295 г.х.; славная могила его находится в Бухаре в западной части города.

Исходя из этого М.Ю.Сайджанов и последующие исследователи отождествляли место погребения отца Исмаила и его самого с мавзолеем Саманидов, датируя его IX или рубежом IX-X вв.¹⁵ Находка в 1937 г. при реставрационных работах над восточным входом в мавзолей доски с именем внука Исмаила — Насра-бен-Ахмеда (914-

^{II} Вяткин В.Л. Архив ГУОП..., с.3.

¹² Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973, с.246.

¹³ Дата 254 г.х. не соответствует действительности, так как Исмаил был назначен в Бухару своим братом Насром и прибыл туда в 260-873/4 г. Этот вакфный документ несколько раз переписывался, последняя дата 976-1568/69 г.

¹⁴ Сайджанов М.Ю. Указ работа; Чехович О.Д. Крестьянские обязательства...

¹⁵ Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии. — Ташкент, 1929, с.17-18. Ремпель Л.И. Мавзолей Исмаила Саманида — Академия Архитектуры, 1936; № 5, с.28.

943 гг.) поколебала это мнение, и авторы стали предполагать несколько вариантов датировок в пределах конца IX – пер. пол. X в.¹⁶

Чрезвычайно интересно историческое свидетельство Наршахи о том, что Ахмеда-бен-Исмаила Самани (907–914) после смерти перевезли в Бухару и похоронили в гробнице (гурхана) Науканде, располагавшейся в западной части города¹⁷.

Сначала Л.И.Ремпелем; а затем М.С.Булатовым и О.Г.Большаковым кладбище Науканде было отождествлено с мазаром, где располагался мавзолей Саманидов¹⁸. В последней своей публикации Булатов отмечает, что новое кладбище Науканде возникло возле мавзолея Саманидов, на землях, купленных Исмаилом и отданных в вакф мазара его отца¹⁹.

М.Е.Массон по этому поводу отмечает, "что кладбище не называлось "Науканде", как об этом пишут современные авторы. Этот термин появился в результате не совсем правильного истолкования слов текста Наршахи²⁰. Когда Ахмед-бен-Исмаил "был убит гулямами в Феребре... труп его привезли в Бухару и поместили в "Гурхона науканде", т.е. во вновь выкопанной могиле с боковой нишей. Кладбище же обозначалось терминами "гуристан", "гурджой" или "гурджа"²¹.

¹⁶ Д е н и к е Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. – М., 1939, с.8; Н и л ь с е н В.А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI–XII вв. – Ташкент, 1956, с.139; П у г а ч е н к о в а Г.А. Мавзолей Араб-Ата. Искусство зодчих Узбекистана, вып.П. – Ташкент, 1963, с.60.

¹⁷ Н а р ш а х и М. История Бухары. Пер. Н.С.Лыкошина. – Ташкент, 1897, с.116.

¹⁸ Р е м п е л ь Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана, примеч.42, с.579; Б у л а т о в М.С. Реставрация мавзолея Саманидов – В сб.: Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, вып. I. – Ташкент, 1967, с.10; Б е л е н и ц к и й А.М., Б е н т о в и ч И.Б., Б о л ь ш а к о в О.Г. Указ. работа, с.245–246.

¹⁹ Б у л а т о в М.С. Мавзолей Саманидов – жемчужина архитектуры Средней Азии. – Ташкент, 1976, с.13.

²⁰ М а с с о н М.Е. К исследованию так называемого мавзолея Исмаила Самани в Бухаре. – ОНУ, 1979, № II, с.27.

²¹ Там же.

Частично присоединяясь к мнению предшествующих авторов, отметим, что "Гурхона Науканда", возможно, указывает не на новое кладбище, а на мавзолей, располагавшийся на территории вновь присоединенного к старому кладбищу участка, примыкавшего к селению Науканде, или на определенную территорию старого кладбища, которое принадлежало жителям селения Науканде. Поясняя последнее, отметим, что каждый район средневекового города мог располагать своим кладбищем, а каждый квартал этого района имел свой определенный участок на этом кладбище. Это можно проследить и на примере старых кладбищ Ташкента. Обычай этот, видимо, имеет очень раннюю традицию, когда люди, располагавшиеся в городах большесемейными общинами, желали быть погребенными также рядом друг с другом. Наршахи, выделяя факт погребения Ахмеда-бен-Исмаила (907-914 гг.) в "Гурхоне Науканде", видимо, указывает не только на то, что он был похоронен в отдельном мавзолее, но и на то, что этот мавзолей не примыкал непосредственно к нынешней усыпальнице Саманидов. В связи с этим очень заманчиво отождествить остатки "западного" мавзолея с данными источников о гробнице "Науканде". Идентифицируя место погребения Ахмеда-бен-Исмаила с "западным" мавзолеем, отметим, что, во-первых, остатки последнего находятся в 240 м западнее мавзолея Саманидов и, во-вторых, не только территориально примыкает к месту, которое средневековые источники называют "Науканде", но и своим фасадом и входом мавзолей смотрел в эту сторону. Расположение "западного" мавзолея вне пределов первой усыпальницы Саманидов, возможно, объясняется поиском большой пространственной свободы, необходимой для выделения гробницы среди окружающего мазара и благоустроительных построек вокруг.²²

Таким образом, по выше изложенным данным, в западной части г. Бухары, близ мавзолея Саманидов, были похоронены отец Исмаила, он сам, его сын Ахмед и внук Наср.

²² К сказанному можем добавить, что, по нашим археологическим наблюдениям, в саманидское время территория к северу от "западного" мавзолея представляла, видимо, песчаную полосу, примыкавшую к вытекающему из города Шахруд, левый край русла которого удалось зафиксировать в северо-восточном углу второго объекта.

Приведенные выше отрывки из вакфного документа Исмаила показывают, что, скупив как вокруг общественного мазара, так и в округе Бухары огромное количество земель и принеся часть полученных от них доходов в вакф мазару отца, Исмаил, видимо, заложил основу для некрополя представителей саманидской династии. Более того, в тексте вакфной грамоты отмечается о переходе в вакф не только посевных площадей и селений (приносящих доход), но и дается "описание четырех границ" вокруг собственного мазара Ахмеда-бен-Асада Самани, который, в свою очередь, с трех сторон был окружен общественным кладбищем;²³ т.е. здесь речь идет о переходе в вакф (неприкосновенную собственность) какой-то определенной территории вокруг мавзолея, которая могла послужить для устройства некрополя, культовых, служебных и благоустроительных комплексов. После погребения на этом мазаре четырех правителей династии, о которых имеем прямые или косвенные данные, остальные правители, по канонам мусульманской морали, также должны были быть погребены рядом со своими отцами и дедами.

Название этого района "Чехар гумбезан — место четырех куполов", также, возможно, указывает на существование здесь когда-то четырех купольных построек.

Вновь открытые фундаменты, по всей вероятности, и являются остатками не дошедших до нас мавзолеев этой династии.

Подтверждение нашим выводам находим в историческом источнике "Китаб-и-Мулла-Заде", написанном в первой пол. XV в. для паломников, желавших совершить поклонение местам захоронений почитаемых в Бухаре лиц. Здесь автор, перечисляя мазары в районе Чашма-и-Айуб, ничем не выделяет, хотя и прямо указывает на существование "мазаров саманидских султанов"²⁴.

Во-первых, данные Мулла-Заде твердо устанавливают родовые захоронения Саманидов на этом мазаре. Такого рода фамильные захоронения для Бухары того времени, видимо, не являлись редкостью. В книге упоминается множество таких мазаров, в частности,

²³ Чехович О.Д. Крестьянские обязательства..., с.262.

²⁴ Гафурова Р.Л. Китаб-и-Мулла-Заде. пер., с.II4 (Здесь и далее пользуемся любезно предоставленными нам переводом и комментариями подготовленной к печати работы).

два из них в районе Чашма-и-Айуб. Один из них, расположенный рядом, принадлежал фамилии Сафарийе (XI-XII вв.²⁵), другой участок к востоку — фамилии Хаванда Садр аш-Шариса (XIII в.)²⁶.

Во-вторых, упоминая о мазарах саманидских султанов во множественном числе, автор косвенно подтверждает наши предположения о существовании некрополя Саманидов, но ничем не выделяет их, хотя для нас мавзолей Саманидов — сооружение мирового значения, что, вероятно, объясняется привычностью, т.е. ко времени написания "Китаб-и-Мулла-Заде" строительство мавзолеев приняло массовый характер, и их было множество не только по всей Бухаре, но и в районе Чашма-и-Айуб, причем не редки были и ранние мавзолеи.

Кажущиеся подтверждения этому находим также в отчете В.Л. Вяткина, проводившем небольшие раскопки в интерьере мавзолея Саманидов. Из отчета выходит, что мавзолей является семейной усыпальницей, которая к моменту захоронения Исмаила была уже заполнена, так как его могила помещалась у самого входа²⁷. Той же точки зрения придерживается и М.Е.Массон²⁸. Таким образом, мавзолей Саманидов, построенный в конце IX — начале X в. для отца Исмаила эмира Ахмеда, к моменту смерти Исмаила (907 г.) был уже заполнен, соответственно остальные представители династии должны были быть похоронены в других мавзолеях.

²⁵ Гафурова Р.Л. ...комментарии, с.60.

²⁶ Там же, с.63. Упоминание здесь о специальных участках, которыми располагали знатные роды, подтверждает вышеприведенные данные и свидетельствует, что подобно им мог быть огорожен и некрополь Саманидов. На это может указывать и сохранившийся до 20-х годов XX в. арочный проход, через который шла дорожка в мавзолей с восточной стороны, а небольшой хауз к юго-западу от мавзолея определенно входил в комплекс по благоустройству. Подобные огороженные стеной семейные участки в более поздней параллели находим на кладбище Чор-Бакр (XVI в.), в 6 км от Бухары.

²⁷ Вяткин В.Л. Архив ГУОП., с.4-5.

²⁸ Массон М.Е. Указ. работа, с.33.

Почему же тогда над восточным входом, где был погребен Исмаил и который В.Л.Вяткин и большинство исследователей по сохранившейся и функционировавшей вплоть до начала XX в. дорожке, ведущей в мавзолей, считали главным, оказалась вмонтирована доска с именем Насра-бен-Ахмеда — внука Исмаила Самани, скончавшегося в 943 г.? Как Исмаил, погребенный вторым после отца, оказался у самого входа последним? Почему внук Исмаила Наср-бен-Ахмед поместил свое имя там, где был похоронен его могущественный дед, не имея к тому же никакого отношения к строительству мавзолея?²⁹

Прежде чем ответить на приведенные вопросы, отметим, что раскопки Вяткина отвергают его же суждения и выводы других авторов о том, что восточный вход является главным. Вяткин в своем отчете отмечает, что "при откопке низа стены у северного арочного проема обнаружено засыпанное мусором и остатками погребений сильно поврежденное крыльцо в 4 ступени. Оно поднималось с кирпичного настила, окружавшего мавзолей, было сложено из кирпича и не раз починалось... У других арочных проемов никаких следов лестниц не открыто"³⁰. Из этого следует, вход в мавзолей первоначально был с северной стороны и, следовательно, вышеприведенные противоречия и вопросы отпадают. Сама надпись на восточной арке вмонтирована грубовато, и создается впечатление, что она была приколочена сюда значительно позднее.³¹

Совокупность данных источников и археологических изысканий дает основание предполагать, что ныне существующий мавзолей, как и представлялось большинством исследователей, был возведен

²⁹ Возможное предположение, что имя Насра-бен-Ахмеда попало сюда при проводимых им ремонтно-реставрационных работах, нам кажется неубедительным, так как со времени наиболее вероятного строительства мавзолея при Иомале Самани прошло бы не более 50 лет, и необходимость в ремонтных работах, после которых Наср-бен-Ахмед мог бы поставить свое имя над главным входом, маловероятна.

³⁰ Вяткин В.Л. Архив ГУОП..., с.15.

³¹ Впервые намекает на это Л.И.Ремпель. См. Р е м п е л ь Л.И. Архитектурный орнамент..., примечание 42, с.577.

Исмаилом для своего отца в конце IX в. В дальнейшем здесь были воздвигнуты другие мавзолеи и погребены остальные представители династии.

После падения Саманидов Бухара подвергалась большому числу нашествий и разрушений, наступали периоды упадка или застоя. В результате мавзолеи оставались без присмотра, разрушались, а во времена кризисов и длительных запустений кирпичи с них могли использоваться населением для строительства саган окружающего мазара. Это, например, вполне могло произойти в период Хулагуидского нашествия, когда многие районы Бухары даже в первой четверти XIV в. находились в развалинах³².

Любопытен также и тот факт, что в "западном" мавзолее обнаружить костные останки погребения не удалось. Это противоречие разрешается, если учесть широко бытующий до сих пор обычай переноса костных останков из разрушенных мазаров и мавзолеев в лучше сохранившиеся.

Несомненно, что в любом случае именно таким местом и является мавзолей Саманидов. Вероятно, этим обстоятельством и объясняется нахождение здесь деревянной доски с именем Насра-бен-Ахмеда, которая могла быть взята с разрушенного мавзолея и прибита к новому месту погребения покойника.

Лишь несколько столетий спустя, когда лестничные ступеньки северного входа оказались полностью погребенными под значительно повысившимся уровнем могильных наслоений вокруг мавзолея, видимо, решено было перенести главный вход на восточную сторону усыпальницы, где к тому же располагалось погребение Исмаила, имевшего наибольшую популярность. К этому же периоду, по мере разрушения других мавзолеев и переноса костных останков в доныне сохранившийся, он стал носить династический характер. Ранее, когда вход был с северной стороны, доска с именем Насра-бен-Ахмеда на восточном арочном проеме не играла сколько-нибудь определенной роли. Теперь же, оказавшись у главного входа, она перестала отвечать и внутреннему содержанию фамильного мавзолея, и тому месту, которое он занимал среди саманидских династов. Поэтому, по всей вероятности, эпитафия с именем Насра-бен-Ахмеда была просто замазана.

³² Петрушевский И.П. Из истории Бухары XIII в. УЗ. ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. I. - Л., 1949, с. 103.

Несомненно также, что мавзолей Исмаила не мог быть разрушен: для ремонта, поддержания порядка и платы слугители мавзолея получали вышеперечисленные доходы от вакфов. Причем в тексте вакфной грамоты Исмаила имелся в виду один мазар, т.е. нынешний мавзолей, построенный для его отца. Остальная часть доходов шла в пользу его потомков, квартал которых существовал и жил на них вплоть до начала XX в.³³

Возможно, именно этим обстоятельством и объясняется, что мавзолей остальных представителей династии не дошли до нас.

Перенесение по той или иной причине погребений в Бухаре не являлось редкостью. На одном из таких примеров останавливается О.А.Сухарева, приводя его из книги "Мулло-заде": "И умер в Бухаре в месяце мухаррам в году 395/1004/, и похоронили в доме его на дворе, потом подняли с почестями через двадцать лет или больше, и для сохранности похоронили его в другом месте"³⁴.

В.Л.Вяткин, производивший небольшие раскопки внутри здания, не отрицает возможности перезахоронений внутри мавзолея. Касаясь захоронения отца Исмаила — эмира Ахмеда, он отмечает, что Исмаил перенес его прах в Бухару из политических побуждений — чтобы закрепить за собой и своим потомством власть в тогдашней столице Мавераннахра — Бухаре³⁵. Эмир Ахмед скончался в Фергане³⁶ в 864 г., сам Исмаил был направлен в Бухару в 874 г., а фактическую власть отобрал у своего брата Насра в 888 г. Лишь после смерти Насра-бен-Ахмеда /892 г./ Исмаил Самани стал официально именоваться главой дома Саманидов, а столицу перенес в Бухару. Из вышеизложенных данных можно заключить не только о перезахоронении отца Исмаила — эмира Ахмеда, но и строительстве мавзолея в пределах 892 г.

При расчистке В.Л.Вяткиным территории вокруг мавзолея под первоначальной выстилкой у северного и, частично, восточного и западного подножий было вскрыто 18 могил, из которых три, бес-

³³ Чехович О.Д. Крестьянские обязательства..., с.260.

³⁴ Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства. — Ташкент, 1958, с.50-51.

³⁵ Вяткин В.Л. Архив ГУОП..., с.II.

³⁶ Бартольд В.В. Собр.соч. в 9-и томах. Т.I, с.268.

спорно, являлись перезахоронениями костных останков³⁷. Вероятно, эти захоронения и перезахоронения, непосредственно примыкающие к мавзолею, также относятся к фамилии Саманидов и были там расположены после заполнения интерьера мавзолея.

Краткое упоминание о месте захоронения нескольких первых представителей династии Саманидов, отсутствие конкретных топографических описаний о наличии одного или нескольких мавзолеев в вышеперечисленных источниках по истории города, видимо, как мы уже отмечали выше, объясняются привычностью, т.е. даже наши предварительные исследования выявили два таких новых идентичных по форме и размерам сооружения, относящихся к первой половине X в. В.Л.Вяткин отмечает по этому поводу, что раз М.Наршахи упоминает о деревянных и каменных постройках мечетей, дворцов, минаретов и пр. периода Саманидов, то значит здания эти были необычны по размерам и виду, почему и заслуживали внимания историка, их отметившего. Мавзолей эмира Исмаила тогда не был единственным выдающимся сооружением в городе, а вернее таковым не считался, почему и остался не отмеченным историком³⁸.

Подобным уникальным сооружением того времени является и мавзолей Араб-Ата в селении Тим. Из сохранившейся части надписи явствует, что мавзолей был выстроен в 977 г., в первый год правления саманида Нуха-бен-Мансура /976-997/ от его имени, но не для него самого: ни имени погребенного, ни даты его смерти в сохранившейся части надписи нет³⁹.

Конкретизируя этот вопрос, отметим, что в первом году правления Нуху-бен-Мансуру было всего 13 лет; государством вместо него управляли его мать и назначенный в конце 977 г. везир Абул-Хусайн⁴⁰. Исходя из этого, можно заключить, что правитель в таком возрасте не мог помышлять о строительстве мавзолея ни для себя, ни для окружающих. Везир, вступивший в должность в конце 977 г., также, видимо, не принимал участия в этом.

³⁷ Вяткин В.Л. Архив ГУОП..., с.36-37.

³⁸ Там же, с.II.

³⁹ Кочнев Б.Д. Изучение эпиграфических памятников Самаркандской области. - АО-1975, М., 1976, с.528-529.

⁴⁰ Бартольд В.В. Собр. соч. Т.I, с.312.

Сейчас трудно даже предполагать, для кого строился этот мавзолей в одном из отдаленных уголков округи Бухары. Но, по всей видимости, необходимо учитывать, что в год строительства мавзолея Араб-Ата соправительницей государя была его мать и построен он был через год после смерти отца государя и мужа правительницы. Немаловажную роль при этом могло сыграть и расположение вблизи святого, почитаемого населением места — Тим-Ата⁴¹, культ вокруг которого, возможно, существовал и в X в.

Наши археологические изыскания также показывают, что мавзолей Саманидов не мог явиться ни единственным, ни уникальным, а высказывания авторов о том, что "бухарский памятник являет абсолютно зрелое творение зодчества"⁴² и должен был иметь предшественников, указывают, что он не мог быть и первым⁴³.

Строительство уникальных сооружений в X в. носит вполне закономерный характер и тесно связано с экономической и политической ситуацией того времени. Ведь мавзолей Саманидов и достижения в архитектуре и строительстве — лишь одна из граней того феномена, который некоторые исследователи X в. называют "мусульманским ренессансом".

В Средней Азии этот процесс связан с централизаторской и административно-хозяйственной политикой Саманидов, их экономической и политической независимостью от арабского халифата, ростом караванной торговли, что привело к бурному и всестороннему развитию даже самых отдаленных районов государства.

Общий подъем экономики дал толчок развитию науки и техники, архитектуры и искусства. Если раньше высокая культура яв-

⁴¹ Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата. — Ташкент, 1963, с. II.

⁴² Пугаченкова Г.А. Указ. работа, с. 105; Засипкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. — М., 1948, с. 38; Ремпель Л.И. Мавзолей Исмаила Саманида, с. I.

⁴³ Мавзолей очень близки по внешним размерам, а это свидетельствует о сложении определенных стандартов, наличие которых говорит о довольно высоком уровне и длительном развитии архитектурных традиций в этом направлении.

лялась достоянием преимущественно верхних слоев, то теперь подъем экономики всколыхнул огромные глубинные массы. Именно с этого периода, по археологическим данным, чувствуется значительное повышение уровня грамотности, именно в этот период Средняя Азия подарила миру своих замечательных ученых и мыслителей. Столица государства Бухара, по словам Саалиби, при Саманидах была "обителью славы, Ка'бой владычества, местом собрания выдающихся людей эпохи"⁴⁴.

Для нас важна известная в тот период огромная созидательная деятельность Саманидов по сооружению административных зданий, дворцов, мечетей и загородных садов. Как отмечала Г.А.Путаченкова, мавзолеев Саманидов должен был иметь предшественников и не только в виде дворцов, мечетей, но и в виде аналогичных построек. Ведь возведение погребальных сооружений над мертвыми в Средней Азии было глубоко традиционным, и разрешение на возведение мавзолеев должно было восприниматься с восторгом.

Как бы то ни было, но отсутствие конкретной даты строительства мавзолея Саманидов и разноречивость по этому поводу имеющихся данных требуют, как отмечала Г.А.Путаченкова, археологического вскрытия в интерьере мавзолея.

Обнаружение в этом районе остатков архитектурных сооружений времени Саманидов и неизвестных ранее мавзолеев, наводящее на мысль о наличии здесь аналогичных построек, настоятельно указывает на необходимость дальнейшего и широкого археологического изучения данной территории.

⁴⁴ Бартольд В.В. Собр.соч. Т.І, с.54.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 21

Ответственный редактор
академик АН УзССР *А. А. Аскаров*

В заключение следует отметить, что все без исключения вышеперечисленные памятники левобережья Сырдарьи так или иначе связаны с транзитными путями, пролежавшими через Голодную степь. Последующее их исследование позволит получить дополнительные данные о караванных дорогах, объединявших в прошлом многие области Мавераннахра в единый социально-экономический узел.

Д. К. МИРЗААХМЕДОВ

МЕЧЕТЬ МАГОКИ-КУРПА В БУХАРЕ

Бухара является одним из наиболее древних и известных историко-культурных центров, включенных ныне в число городов-заповедников. Наличие большого количества архитектурных памятников последнего тысячелетия, как ни в каком другом городе, раскрывает динамику развития архитектуры и социально-экономической истории региона в целом. Способствует этому сохранение не только уникальных памятников, но и большого количества менее известных, которые дополняют или по-новому освещают отдельные этапы ее истории.

Одним из таких объектов, исследования на котором проводились в 1971 г. по линии Ташкентской специальной научно-реставрационной мастерской, является мечеть Магоки-Курпа¹. Она расположена на северной границе южного рабада и ориентирована по направлению стен шахристана, выходя порталом (через дорогу) к западному арочному проходу Токи-Тильпак-фурушон (купол продавцов головных уборов).

От двухэтажной мечети над современной поверхностью выступает лишь второй и часть первого этажа с небольшими световыми проемами на месте заложенных кирпичом окон². Большая же часть первого этажа на глубину более четырех метров уходит под культурные городские наслоения и имеет столбово-арочный интерьер, поэтому отдельные исследователи высказывали сомнение в том, что мечеть построена в XVII в., и предполагали, что в ее основе лежит более древнее общественное сооружение³. При этом принималось во внимание наличие стоящей рядом мечети Магоки-Аттари, которая тоже носила полуподземный характер,

¹ Мечеть получила название от расположения в яме (магок) и примыкания к ней торговых рядов по продаже ватных одеял (курпа) См.: Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 193.

² По этнографическим данным, верхний этаж служил летней мечетью, нижний — зимней. См.: Сухарева О. А. Квартальная община... С. 193.

³ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936. С. 78; Засыпкин Б. Н. Краткие сведения о мечети Магоки-Курпа в Бухаре (1636—1637). ЦГА УзССР. Личный архив Засыпкина Б. Н. Р-2406. Оп. 1, Ед. хр. 246. Л. 1.

имела перекрытие на столбах, более раннюю датировку основы и последующую перестройку в XVI в.⁴

В процессе археологического выяснения вопросов историко-архитектурного характера мы предполагали продолжить работу дальнейшими исследованиями вплоть до материка и определить стратиграфию и историческую топографию города на данной территории. Так как на северной и восточной (фасадной) частях здания проходит одна из центральных транспортных магистралей города, а западная вплотную застроена, мы заложили шурф у южной стены мечети, вдоль третьего оконного проема (размеры 3,5×2 м).

Отсчет ярусов начат с верхней балки оконного проема, возвышавшейся от дневной поверхности на 1,25 м. Оставшаяся часть третьего яруса (рис. 1) состояла из нисходящих от стен мечети на юг (для лучшего стока осадков) асфальтового покрытия и прослойки из битых кирпичей и щебня между ними. В четвертом ярусе лежала твердая, утрамбованная земля с многочисленными обломками кирпича, ганча, ганчевой крошки и незначительными зольными прослойками у стен мечети. В слое было найдено большое количество фрагментов фарфора и керамики, преимущественно относящихся ко второй и третьей четвертям XX в. К концу яруса к мечети примыкала выстилка из кирпича русского образца (25×12×5 см) и квадратного местного (24×24×3,5 см). Под выстилкой, датируемой материалами комплекса первой четвертью XX в., находился рыхлый слой со строительными остатками из обломков кирпича, ганча, извести и ганчевой крошки, а к концу яруса — прослойка из кирпичного боя и крошки красноватого цвета. В юго-восточной угловой части шурфа выявлены остатки фундамента какого-то сооружения, выбранные при строительстве выстилки. Сохранившись на высоту нескольких рядов кирпича (24—25×24—25×3,5, реже — 25×12×5 см), одной стороной он, видимо, примыкал под углом к стенам мечети, другой — отходил в юго-западном направлении (рис. 1). Возможно, это упоминаемое О. А. Сухаревой помещение для омовения⁵.

Слой яруса под выстилкой начала XX в. состоял, в основном, из включений большого количества фрагментов русского фарфора, фаянса, стекла и глазурованной керамики. Фарфор и фаянс представлены в основном изделиями заводов Гарднера и Кузнецова. Орнаментация состояла из растительно-цветочных композиций, основанных на местных мотивах, которые использовались русскими промышленниками применительно к местному рынку. По большей части это дешевые фаянсовые изделия с печатным рисунком в виде широко распространенных композиций из виноградных листьев по бортику. Фрагменты более дорогого фарфо-

⁴ Шишкин В. А. Археологические работы в мечети Магоки-Аттари в Бухаре // Труды Института истории и археологии. Вып. 7. 1955. С. 31.

⁵ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 193.

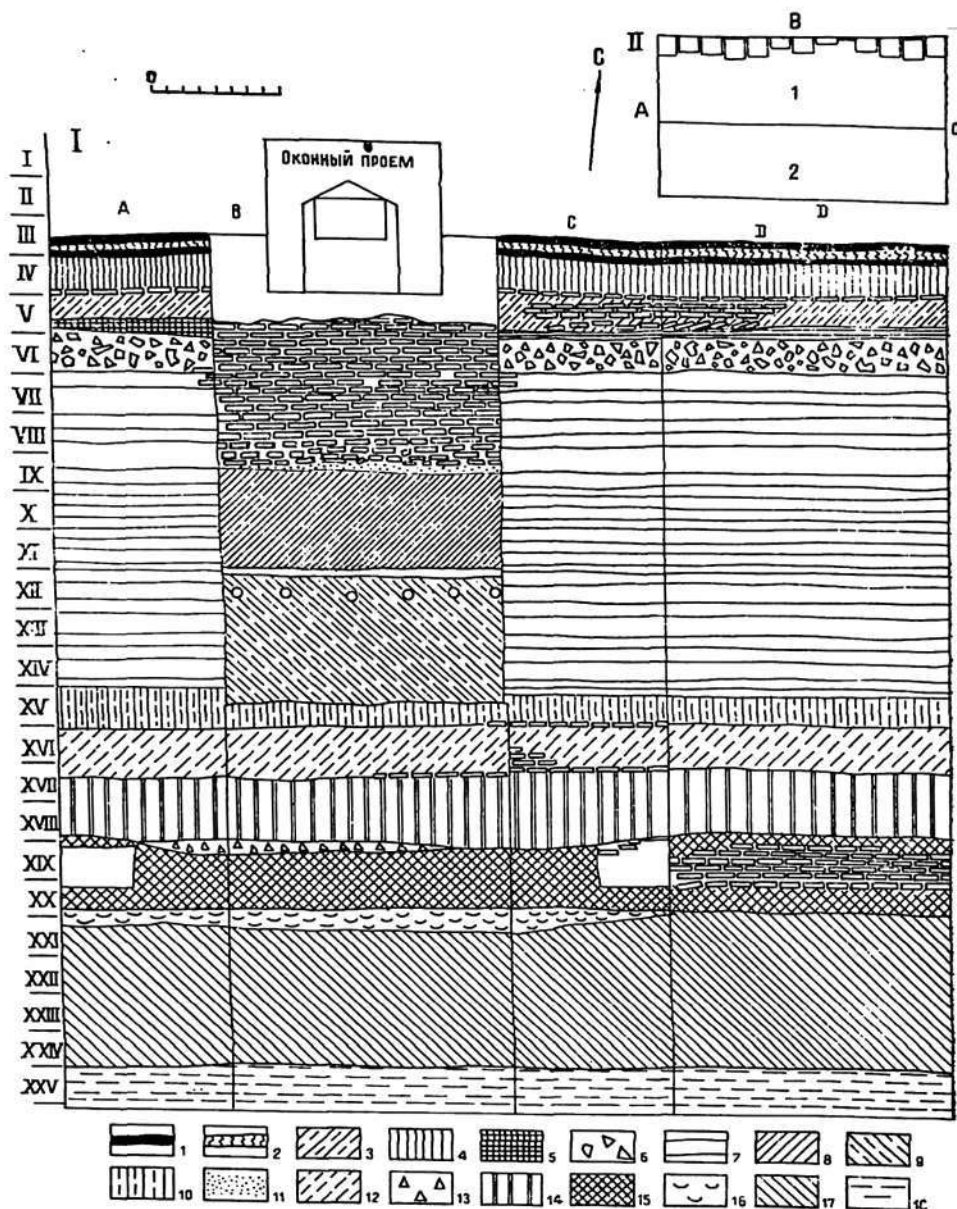

Рис. 1. I. План и развертка шурфа № 1:

1 — асфальтовое покрытие; 2 — прослойка из битых кирпичей и щебня; 3 — рыхлая земля со строительными остатками; 4 — плотная земля со строительными остатками; 5 — кирпичный бой красноватого цвета; 6 — строительные остатки от разрушения мечети; 7 — трамбовочно-заливочные земляные прослойки; 8 — второй этап строительных фундаментов; 9 — первый этап строительных фундаментов; 10 — культурные слои, второй пол, XVIII в.; 11 — кирово-глинистые прослойки; 12 — горелая земля из слоя начала XIII в.; 13 — слой строительных остатков и керамики; 14 — земля темного цвета; 15 — горелая земля красноватого цвета; 16 — слой битых кирпичей и керамики; 17 — серовато-зеленая болотистая земля; 18 — грунтовые воды; II. 1 — выступ от выкладки времени строительства мечети; 2 — фундамент монументального сооружения XI в.

ра с росписью золотом, встречавшиеся среди материалов Бухарского Арка, здесь редки.

Глазурованная керамика напоминает находки предыдущего яруса, представлена в основном фрагментами сосудов, орнаментация которых состоит из широко распространенных на бухарской керамике этого периода полив ярко-желтого и различных оттенков зеленого цвета с потеками.

Аналоги вышеперечисленных находок широко известны в литературе, они датируют слой V яруса второй половиной XIX — началом XX в.

С северной стороны шурфа на стенах мечети до конца V яруса сохранилась ганчевая штукатурка, ниже которой идет ровная кладка из кирпича (26—27×26—27×5 см) на ганчевом растворе.

Шестой ярус охватывает нижнюю часть стены здания и сохранившуюся на ширину одного-полтора рядов кирпича выстилку. Слой яруса в основном состоит из мелких обломков кирпича, штукатурки и ганчевой крошки, образовавшихся в результате разрушения памятника⁶. Керамика слоя представлена фрагментарно, причем основную группу составляют неполивные образцы. Как неполиваная, так и глазурованная керамика — очень низкого качества. В большинстве это фрагменты чаш и блюд с синей подглазурной орнаментацией по белому фону. Донца кольцевые, в основной массе выполненные грубо. Меньшую группу составляют изделия с коричневой, голубой и черной росписью по белому фону. Донца — кольцевые и дисковидные. Орнаментация как первой, так и второй группы керамики из-за слоя ирризации просматривается с трудом и состоит в основном из небрежно выполненных растительных мотивов, причем на отдельных образцах встречается «басма». К этому же слою относятся девять фрагментов темно-синих мозаичных изразцов и один фрагмент майолики с темно-синим и голубым орнаментом по белому фону, возможно, имевшие отношение к декоративному убранству фасада мечети.

Пять фельсов, три из которых были найдены в кирпичном бое и два — на уровне выстилки, сохранились плохо, условно могут быть отнесены к XVII—XIX вв. Более точной датировки слоя они, к сожалению, не дали⁷.

Судя по значительным строительным остаткам (от разрушения, прослеживающегося с конца V яруса), здание мечети долгое время находилось без присмотра.

Наличие сильно фрагментированной керамики низкого качества с толстым слоем ирризации, переход донец от кольцевых к дисковидным, небрежность росписи и появление мотива «басма»

⁶ Судя по фрагментам керамики, конец V яруса (с кирпичного боя) и весь VI ярус, видимо, относятся к одному периоду.

⁷ Здесь и далее все нумизматические материалы определены Б. Д. Кочевым.

дают возможность предположить, что слой конца V и VI ярусов относится к кризисному в истории Средней Азии периоду: вторая половина XVII — первая половина XVIII в. Данные литературы, относящие время возведения второго этажа мечети к первой половине XVII в.⁸, и слои разрушения, располагающиеся непосредственно над выстилкой, в совокупности с данными стратиграфии не противоречат такой датировке. К этому же периоду относится выборка выстилки, от которой сохранилась лишь небольшая часть благодаря двум нижним рядам кирпича, прочно вделанным в кладку стены. Необходимо отметить, что уровень пола первого этажа мечети оказался на 2,35 м ниже уровня внешней выстилки. Предположение, что последняя является более поздней и не соответствует времени строительства мечети, опровергается тем, что под ней лежит неровная кладка из обломков кирпича (27—28×27—28×5 см) и рваных известняковых камней на ганчевом растворе.

Под выстилкой с VII до конца XIV яруса земля представляет собой довольно плотную однородную массу, разделяющуюся на 24 трамбовочно-заливочных слоя. Подобные слои земли, имеющие различную толщину и последовательно заливавшиеся водой, часто встречаются на уровне и под фундаментами крупных архитектурных сооружений в Бухаре или ее округе⁹. Они служили созданию мощной уплотненной подушки для предотвращения деформации и осадки фундаментов. Аналогичный строительный прием, видимо, был широко известен и за пределами Бухары, так как зафиксирован при археологических исследованиях фундаментов мавзолея Гур-Эмир в Самарканде¹⁰, на каршинском Намазгохе XVI в.¹¹, а также в более близких по времени этнографических параллелях — в жилой архитектуре¹².

В начале IX яруса неровная кирпичная кладка стен фундамента переходит в пяти-десятисантиметровую прослойку из кырового раствора и жирной глины, затем фундамент мечети, выложенный тем же кирпичом (27—28×27—28×5 см), продолжается до конца XI яруса, но уже связанный и покрытый двух-трехсантиметровым слоем кыра. На рубеже XI и XII ярусов пяти-десятисантиметровая кырово-глинистая прослойка в кладке стены

⁸ Шишкин В. А. Архитектурные памятники... С. 78.

⁹ Глиняные заливки мощностью 60 см были зафиксированы в котловане под фундаментами мавзолея Араб-Ата в селении Тим у Нуратинских гор. См.: Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-Ата. Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1963. С. 13.

¹⁰ Массон М. Е. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гур-Эмир и Ак-сарай в Самарканде в 1924 г. // Известия Средазкомстариса. Вып. 1. Ташкент, 1926. С. 100.

¹¹ Кочнев Б. Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. Ташкент, 1976. С. 49.

¹² Воронина В. Л. Узбекское народное жилище // Советская этнография. 1949. № 2. С. 65.

вновь повторяется, затем фундамент мечети, покрытый кыровой обмазкой, вновь продолжается до середины XV яруса. Здесь в нижней части он выложен из небольших рваных известняковых камней, также обмазанных кыровым раствором.

Даже при визуальном наблюдении становится ясно, что кладка фундамента мечети с выстилки (уровня дневной поверхности строительства сооружения) четко делится на три этапа. Они разграничены кырово-глинистыми прослойками и на первых двух этапах (начиная с основания) связаны и покрыты также кыровым раствором.

На третьем этапе кладки (высота 1,14 м), располагавшемся у дневной поверхности, учитывая меньшую влажность, использовали обычный раствор ганча, без поверхностной обмазки кыром. Подобные строительные приемы по защите фундаментов зданий от длительного воздействия солей и влаги являлись характерными для бухарской школы зодчества, так как здесь наличие болотистой почвы, высокого уровня грунтовых вод и их засоленность ставили эту проблему наиболее остро. В нижних конструкциях здания видна не только связка кирпичей и их поверхностная обмазка гидроизоляционным кыровым раствором, но и пяти-десятисантиметровая кырово-глинистая прослойка с целью изоляции верхних строительных конструкций от нижних¹³.

На уровне XII яруса в тело фундамента мечети уходили шесть сгнивших деревянных балок, установленных для стягивания нижних конструкций здания и служивших для защиты от сейсмических колебаний и неравномерной осадки. Балки располагались на 0,4 м ниже пола в интерьере мечети, были обмазаны кыровым раствором и имели толщину 0,15—0,22 м.

Найденный на уровне фундамента (VII — середина XV яруса) разнообразный керамический и нумизматический материал оказался смешанным, датируется в первом случае X—XVII вв., а во втором — XII—XVII вв., что объясняется расположением шурфа на месте засыпки и заливки котлована для фундамента мечети. Учитывая, что наиболее поздний керамический материал (из слоя засыпки) под выстилкой предварительно отнесен к XVII в., датировка возведения второго этапа мечети — 1637—1638 гг.¹⁴ — может быть взята за основу, в пределах которой построена и нижняя часть здания.

В числе находок — большое количество металлических криц, фрагментов стенок гончарных печей с потеками глазури и архитектурного декора. Это свидетельствует о том, что район являлся ремесленно-промышленным рабадом города, а также о том, что значительное количество архитектурных сооружений Бухары пе-

¹³ Прокладка между двумя этапами строительства фундаментов из вязких, жирных глин, возможно, практиковалась не только с целью гидроизоляции, но и поглощения сейсмических волн.

¹⁴ Шишкин В. А. Архитектурные памятники... С. 78.

риода развитого средневековья не сохранилось до настоящего времени.

С середины XV яруса лежат непо потревоженные культурные слои под фундаментом мечети. К концу яруса выявлены остатки двух помещений, расположенных по направлению восток — запад. Они разделялись небольшой кирпичной перегородкой с перепадом в уровне полов на 14 см и, видимо, принадлежали разным хозяевам, так как в каждом имеется по ташнау. Полы, выложенные из кирпича и его обломков ($23 \times 23 \times 3$; $20 \times 20 \times 2,5$; $32 \times 32 \times 3$ см), были по большей части выбраны и имели наклон к сливной яме. Ниже полов в обеих ташнау были установлены перевернутые хумы, причем в восточном помещении они сохранились от более раннего периода и использовались вторично после поднятия уровня кирпичами ($32 \times 32 \times 3$ см), поставленными ребром. На полах обоих помещений валялись обломки кирпича, битой поливной и неполивной керамики — следы сильного разрушения. Под полом найдена монета, которая из-за плохой сохранности не может быть определена точно и отнесена приблизительно ко второй — третьей четвертям XIII в. Керамический материал, следы разрушения и находка монеты позволяют отнести вскрытые помещения ко времени Хулагуидского нашествия (1273 г.).

На протяжении XVI и в начале XVII яруса лежат горелые слои земли со следами сильных разрушений. В восточной части шурфа на начало XVII яруса приходятся остатки полов, выложенных кирпичом (размерами $21 \times 21 \times 3$; $23 \times 23 \times 3$; $32 \times 32 \times 3$; $56 \times 56 \times 3,5$) и стены (размеры кирпича — $21 \times 21 \times 2,5$ —3 см), сохранившейся на высоту 28 см. Фрагменты кашина, керамики с голубой глазурью и выступающим на внешней поверхности красным ангобом и караханидская монета (1170—1180 гг.) из восточного ташнау датируют слой концом XII — началом XIII в., а следы разрушений и пожара, видимо, приходятся на время монгольского нашествия (1220 г.). В слое также было найдено несколько криц, обломки стенок стекольных печей, фрагменты бракованной посуды — после монгольского разгрома эти помещения были заброшены и какое-то время служили свалкой.

Культурный слой темного цвета под помещением начала XIII в. включал большое количество строительных остатков: обломки кирпича, многослойной ганчевой штукатурки, отдельные экземпляры которой окрашены в красный цвет, фрагменты резной облицовочной терракоты, покрытой голубой поливой, и два больших куса ганча, видимо, упавших со свода.

Остатки этого сооружения — ориентированная по направлению восток — запад мощная стена из жженого кирпича ($23 \times 23 \times 3$; 27 — 28×27 — 28×3 см) на глинистом растворе — выявлены с конца XVIII яруса. Неполная ширина стены в южной части шурфа составляла 0,9 м. Стена сохранилась на высоту 0,5—0,7 м. Поверху она была аккуратно выложена из цельных кирпичей, в ниж-

ней же части шла неровная кладка из обломков: до нашего времени сохранился фундамент и, возможно, часть цоколя. В северо-западной части шурфа, на верхнем уровне остатков здания, лежала небольшая прослойка (0,15 м) из обломков кирпичей и керамики. С конца XVIII яруса на уровне и под фундаментами — мощные горелые слои земли красноватого цвета, наличие кото-

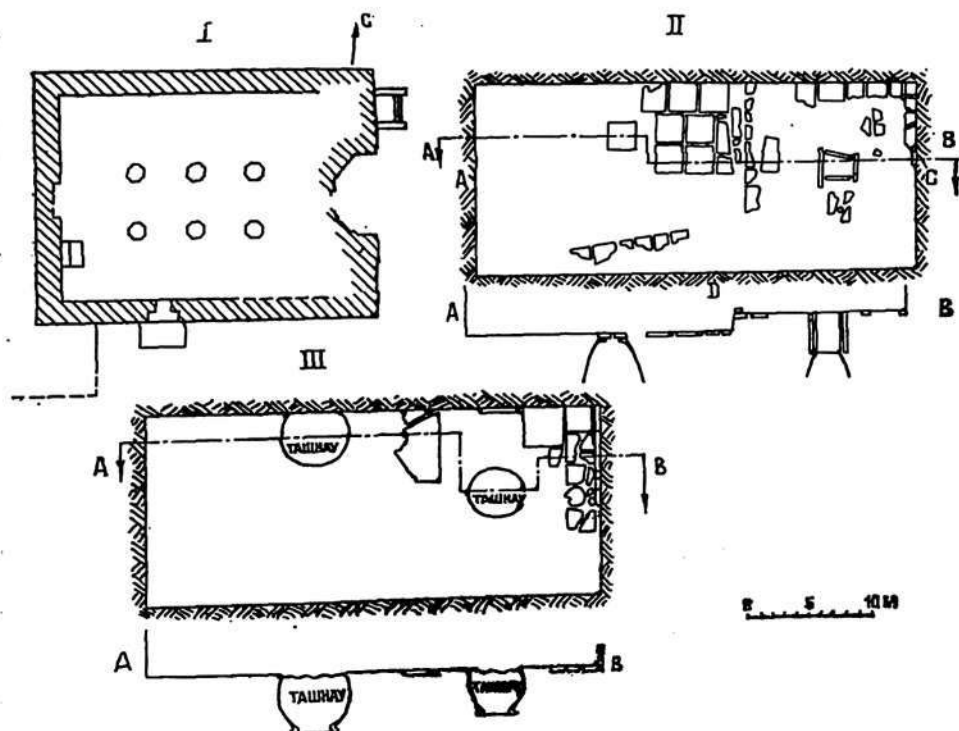

Рис. 2. Планы и разрезы помещений:

I — схематический план первого этажа мечети; II — шурф 1. План и разрез двух помещений второй половины XVIII в.; III — шурф 1. План и разрез помещений времени монгольского нашествия (1220 г.)

рых указывает на то, что здание погибло при сильном пожаре, а затем до фундамента было разобрано на кирпичи. Керамический материал из слоев (с середины XVII до середины XX яруса), непосредственно относящихся к остаткам этого сооружения, датируется в пределах XI — середины XII в. Толщина стены, многослойность штукатурки и находки крупных кусков ганча, некогда составлявших детали оформления интерьера здания, позволяют предположить, что это было монументальное архитектурное сооружение, а резная облицовочная терракота с голубой поливой и фельс династии караханидов из слоя XVIII яруса (Арслан-илек, Бухара, 1026—1027 гг.) указывают на вероятное время его возведения в первой половине XI в.

В конце XX — начале XXI яруса располагался двадцати-тридцатитрехсантиметровый слой из битых кирпичей и окатанных мелких фрагментов керамики конца IX—X вв. Слой постепенно сужался и заканчивался к восточной стене шурфа. Под ним лежали незначительные прослойки темной земли с черными прожилками, а в северо-восточной части шурфа на небольшом расстоянии — тонкий слой песка табачного цвета. Далее на протяжении нескольких ярусов — очень влажная земля серовато-зеленого цвета.

Археологические находки очень редки, состоят из фрагментов толстостенных сосудов, обломков кирпича и крицы. Под собственной тяжестью они, видимо, опустились из верхнего культурного горизонта X в. На уровне XXIII яруса работы в шурфе из-за поднятия грунтовых вод пришлось прекратить.

Наличие небольшой песчаной прослойки в восточной части шурфа и скоплений сильно фрагментированных окатанных керамических материалов на болотистых отложениях свидетельствует о том, что еще в X в. данная территория представляла собой заболоченную низину, по всей видимости, примыкавшую к речной магистрали, опоясывавшей южную стену шахристана.

С целью контроля данных внешнего шурфа, определения устройства и состояния фундамента, внутри мечети у западной стены (между михрабной нишей и южной стеной) был заложен второй шурф (размерами 2×1,7 м).

Как уже отмечалось, уровень пола мечети располагался на 2,35 м ниже уровня дневной поверхности времени строительства и на 5,30 м — верхней балки оконного проема, принятой за нулевую отметку.

Пол мечети, аккуратно выложенный кирпичами (25×25×5 см), связанными ганчевым раствором, и уложенный для прочности на двух-трехсантиметровую глинистую подушку, приходился на вторую половину XI яруса. Под глинистым раствором в западной части шурфа был выявлен выступающий от уровня стены на 0,7 м, аккуратно обмазанный кыровым раствором фундамент мечети, а в его восточной части — слой в 0,34 м рыхлой земли коричневого цвета с редкими включениями фрагментов кирпича и ганчевой крошки. От середины XII до середины XV яруса (где завершался фундамент мечети) лежали девять трамбовочно-заливочных слоев. Выступающий фундамент мечети, как и во внешнем шурфе, сложен из цельного кирпича и его обломков (28×28×5 см) и — изредка — небольших рваных известняковых камней, связанных и покрытых двух-трехсантиметровым слоем кырового раствора. На уровне XII яруса, как и во внешнем шурфе, в тело фундамента уходит отверстие от сгнившей балки, а на уровне XIII и XIV ярусов — две тонкие (1—2 см) кырово-глинистые прослойки, которые, видимо, соответствовали трем этапам в строительстве фундамента.

Принцип строительства выступающих фундаментов объясняется распределением единицы нагрузки верхних конструкций на возможно большую единицу площади. Этот прием, применяемый обычно для защиты архитектурного сооружения от осадков и деформаций, был широко известен в средневековом строительном искусстве¹⁵ и также являлся характерным для Бухарской школы зодчества. В Бухаре, в отличие от других крупных историко-культурных центров, помехами при строительстве были не только многовековые культурные отложения разной плотности, но и специфичная для города болотистая почва. Естественно, при возведении двухэтажного здания мечети требовался дополнительный запас прочности фундамента.

Керамический материал на уровне фундамента из трамбовочно-заливочных слоев также оказался смешанным. Земля заливочных слоев коричневого цвета в середине XIV яруса за счет засыпки почвы другой структуры приобрела красноватый оттенок (рис. 3).

Под фундаментом мечети с середины XV яруса лежал плотный слой земли серого цвета с включениями обломков кирпича и керамики XIII в. Слой продолжался вплоть до XVI яруса, где под пятисантиметровой прослойкой коричневатой земли располагалась выстилка ($30 \times 30 \times 4,5$; $32 \times 32 \times 5$ см), соответствующая по уровню и времени (вторая половина XIII в.) выстилке внешнего шурфа. Кирпичи выстилки для удобства связки ганчевым раствором имеют косые срезы на ребрах и выложены с небольшим наклоном к западу, где располагалось ташнау. Среди находок выделялись большие куски стекла, видимо, полуфабрикаты стекольного производства; целый, богато орнаментированный котел из талькохлорита; фрагменты голубых мозаичных изразцов и майолики.

На 10—12 см ниже выстилки находился первоначальный уровень пола, сохранившийся значительно хуже. Размеры кирпичей те же. К этому же периоду относилась находящаяся в северо-западном углу яма (диаметр 0,9 м).

В конце XVI—XVII ярусе были вскрыты остатки фундаментов сооружения, ориентированного по линии восток — запад (размеры кирпича $23 \times 23 \times 3$, глинистый раствор), частично выбранного при устройстве спускавшегося сверху ташнау. Лицевая его сторона (северная) была выложена из целого кирпича, а внутренняя, уходящая за пределы южной стены шурфа, — из обломков. Сохранившаяся высота — 0,32 м, ширина (в пределах шурфа) 1 м (рис. 3). Керамический материал слоя незначителен, представлен поливными изделиями XI—XII вв. Фундамент сооружения, видимо, датируется XII — началом XIII в., так как соответствует уровню полов начала XIII в. во внешнем шурфе.

¹⁵ Воронин Л. Н. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии. Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Вып. 1. Ташкент: Изд. Академии архитектуры СССР, 1950. С. 19.

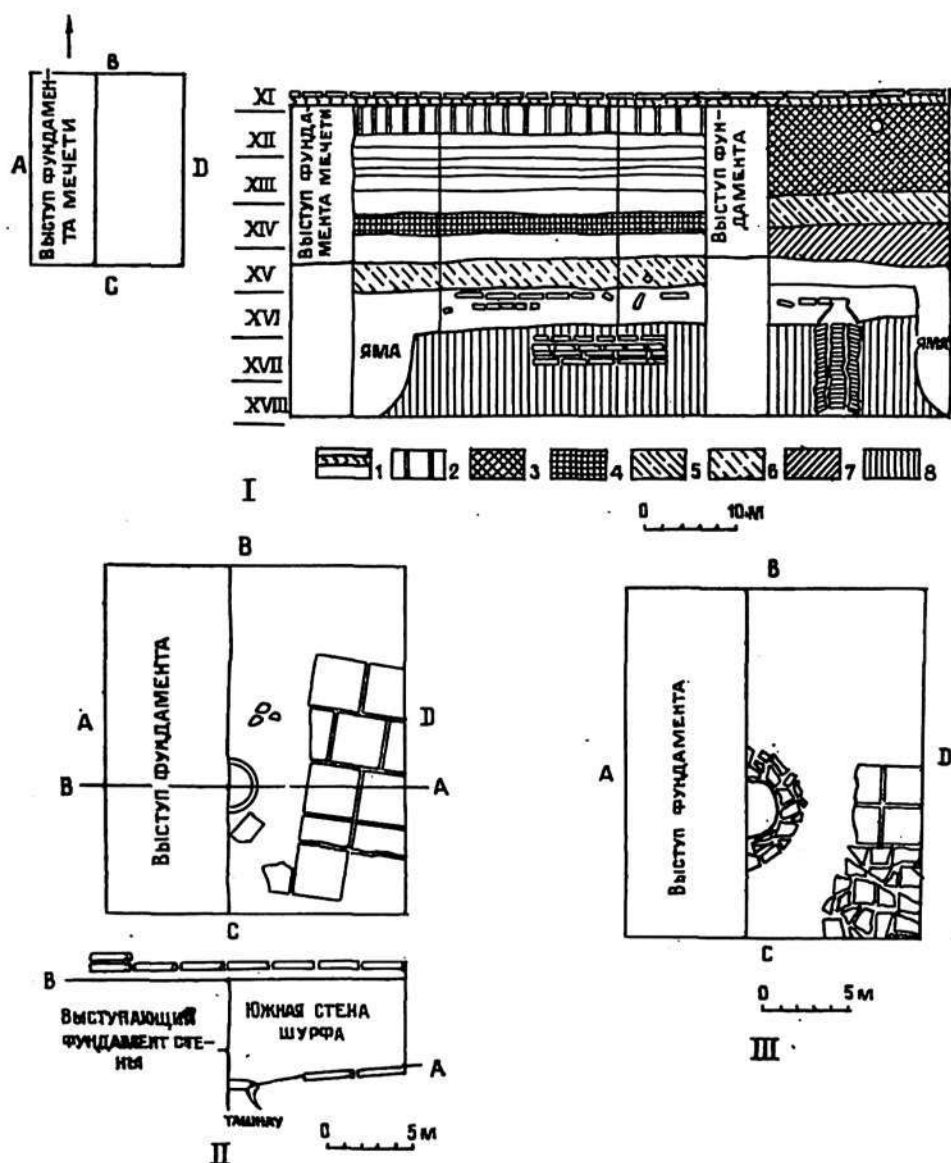

Рис. 3. Развертка и планы помещений шурфа № 2.

I. 1 — глинистая прослойка; 2 — рыхлая наносная земля коричневого цвета; 3 — третий этап строительства фундаментов; 4 — горелая земля красноватого цвета; 5 — второй этап в строительстве фундаментов; 6 — земля серого цвета; 7 — третий этап в строительстве фундаментов; 8 — рыхлые горелые слои красноватого цвета; II. План и разрез помещения второй половины VIII в.; III. Остатки фундамента здания XII в.

В XVIII ярусе лежали горелые слои с редкими включениями керамики, относящейся преимущественно к XI в. Сверху, от уровня второй половины XIII в., спускались яма и ташнау.

На этом уровне дальнейшие исследования были прекращены, так как стратиграфические данные по обоим шурфам полностью совпали.

На основе археологических исследований можно предположить, что место, занимаемое ныне мечетью Магоки-Курпа, в X в. представляло собой болотистую низину, где некогда, судя по данным источников¹⁶ и топографии местности, протекал один из крупных протоков Зарафшана, примыкая непосредственно к южным стенам шахристана. Но к XI столетию, видимо, были проведены осушительные работы и оставлен лишь ров, остатки которого существовали, по данным источников, и во второй половине XVI в.¹⁷

К этому периоду из-за чрезвычайной плотности и скупенности городской застройки здесь, несмотря на пониженный рельеф местности, начали строиться крупные архитектурные сооружения. Возведение монументальных сооружений в заболоченных низинах и местах протоков (мечеть и минарет Калян, медресе Мир-Араб и Абул-Фейзхан), видимо, удешевляло стоимость земельной площади под ними и являлось характерным для Бухары исследуемого периода. На данной территории, являвшейся частью ремесленно-промышленного рабада, довольно часто встречаются промышленные остатки располагавшихся поблизости металлургических (X—XVI вв.), стекольных и керамических (XIII—XVI в.) производств. Судя по качеству керамических изделий, наличию большого количества предметов из стекла и металла, выявленных в помещениях, Бухара ко времени Хулагуидского нашествия (1273 г.) почти полностью оправилась от последствий взятия ее монголами. Культурные слои, располагавшиеся выше, были разрушены при строительстве фундамента мечети, однако наличие большого количества криц, найденных в этих слоях, полностью подтверждает высказанные ранее мнения о расположении вблизи мечети купола металлостов (Чахарсук-и Аханин)¹⁸ и ворот кузнецов¹⁹ (Ахангаран). Также мы считаем вполне допустимым мнение Г. А. Джураевой о тождественности нескольких названий для располагавшихся здесь ворот²⁰, идентификация которых, видимо, была связана, во-первых, с изменением их названий со временем, во-вторых, в соответствии их названия с располагавшими-

¹⁶ Наршахи М. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966. Б. 27.

¹⁷ Джураев Г. А. Новые данные о воротах шахристана Бухары (По материалам вакфных грамот)//ОНУ. 1983. № 11. С. 40.

¹⁸ Джураева Г. А. Указ. соч. С. 39—41.

¹⁹ Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958. С. 21.

²⁰ Джураева Г. А. Указ. соч. С. 41.

ся поблизости базаром или мастерскими кузнецов и, в третьих, с синонимичностью в названиях: купол кузнецов, ворота кузнецов и железные ворота.

Археологические исследования нижних частей мечети в первом шурфе на отметке 2,9 м выявили уровень дневной поверхности времени строительства. Точность этой отметки, во-первых, подтверждается наличием остатков вделанной в фактуру стены выстилки, во-вторых, аккуратно выложенной цокольной части здания над выстилкой и находящихся вне обозрения нижних конструкций, сделанных значительно хуже, и в-третьих, — идущих под выстилкой, на уровне фундамента, 24 заливочных слоев.

Выявление уровня дневной поверхности времени строительства мечети и привлечение данных керамических материалов в значительной степени прояснили и вопрос о времени ее строительства. Слой разрушений над выстилкой, относящийся к VI ярусу, на основе художественно-технических характеристик керамики датируется второй половиной XVII в. Наиболее поздний керамический материал из слоя под выстилкой относится к XVI — началу XVII в., что не противоречит дате возведения второго этажа (1636—1637 гг.), приведенной В. А. Шишкиным. Так как у нас нет оснований полагать, что второй этаж мечети был построен значительно позднее первого, то строительство последнего, исходя из данных археологических исследований, могло осуществляться в близких к этой дате пределах. К тому же явно заниженный уровень первого этажа мечети с самого начала предполагал строительство второго, который и должен был по уровню соответствовать окружающим постройкам этого периода. Свидетельство источников о возведении в 1636—1637 гг. второго этажа мечети лишь указывает на возможный перерыв в его строительстве, объясняющийся, видимо, экономическими причинами. Подтверждением приведенной выше даты строительства мечети также могут служить вакфные грамоты, относящиеся к данной территории и опубликованные Г. А. Джураевой в связи с конкретизацией названия располагавшихся здесь южных ворот шахристана. Автор отмечает, что в более ранней вакфнаме второй половины XVI в. мечеть Магоки-Курпа не упоминается, в то время как в вакфнаме 1656—1657 гг. она отмечена²¹.

Археологическое обследование нижних частей фундамента также показывает, что никаких более ранних архитектурных конструкций, на основе которых могли бы возводиться стены второго этажа, здесь не имеется.

Данные материалов обоих шурфов полностью подтверждают и показывают, что благодаря успешному решению строителями вопросов гидроизоляции и сейсмической защиты, фундаменты мечети сохранились до настоящего времени в прекрасном состоянии.

²¹ Там же. С. 42.

Более сложным является вопрос о причинах перепада в уровнях дневной поверхности времени строительства (2,9 м) и пола в интерьере мечети (5,3 м), достигающего 2,4 м. Так как в обоих шурфах более ранних архитектурных конструкций, лежащих в основе мечети, мы не обнаружили, понижение уровня мечети, по всей видимости, было предусмотрено строителями. Подобное решение может быть объяснено несколькими обстоятельствами.

Во-первых, исходя из топографии данной территории, являвшейся низиной, строители еще более углубили ее²². В условиях ограниченности городской застройки это позволило построить вместо одноэтажного здания — двухэтажное.

Во-вторых, расположение первого этажа под землей в значительной степени сокращало расходы на его внешнее оформление. Это также являлось немаловажным фактором, так как ко времени строительства мечети Средняя Азия вступила в полосу социально-экономических трудностей и застоя, что привело и к ограничению субсидий на строительство²³.

В-третьих, целью строительства мечети полуподземного характера было и создание микроклимата внутри нее, что имело немаловажное значение в условиях резко континентального климата Бухары. Наглядным примером для строителей мечети Магоки-Курпа служила стоящая рядом мечеть Магоки-Аттари, которая к этому периоду уже на значительную высоту была перекрыта культурными слоями, имела полуподземный характер и в XVI в. была перестроена с устройством спускающегося сверху нового восточного входа.

Исследования мечети Магоки-Курпа показали, что хотя Средняя Азия к началу XVII в. вступила в полосу постепенного экономического и политического упадка, зодчество Бухары не только блестяще продолжало традиции предшествующих столетий, но и в новых условиях решало сложные задачи, связанные с сохранением масштабов строительства при все больших ограничениях субсидий.

Т. И. ЛЕБЕДЕВА

ТАГХОНА В ЦИТАДЕЛИ ТИМУРА

В ходе археологических работ, проведенных в 1983 г. на цитадели Тимура сотрудниками отряда Самаркандского рабада и его округи Института археологии АН УзССР под руководством Буряковой Э. Д., в северо-западной части цитадели обнаружен подвал. Он напоминает афрасиабские подземные помещения ку-

²²Слово «магок» в переводе с персидского обозначает «яма», «углубление», «ров».

²³Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965. С. 362.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 17

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1982

дирхемов, поскольку не имеют насечек, столь характерных для караханидских фельсов XI—XII вв. С Махмуда, вероятно, вообще начинается регулярная чеканка караханидских золотых монет в Мавераннахре.

У. А. АЛИМОВ, Д. К. МИРЗААХМЕДОВ

К ИСТОРИИ МАВЗОЛЕЯ БОБОИ-ПОРАДУЗ В БУХАРЕ

Мавзолей Бобои-Порадуз¹ расположен в юго-восточной части Бухары за пределами городских стен, в двухстах метрах от бывших ворот Саллях-хона. Здесь еще в начале XX в. находился мазар с комплексом архитектурных и благоустроительных сооружений (мавзолей, мечеть, служебные помещения для паломников, хауз, колодец). Из некогда большого числа сооружений этого комплекса сохранилась лишь центральная часть мавзолея, в котором было расположено центральное погребение, возможно, главы цеховой организации либо ее основателя пира Бобои-Порадуза, в честь которого и назван мазар Бобои-Порадуз.

Бобои-Порадуз считался покровителем всех ремесленников, имевших дело с иглой: сапожников, портных, золотошвей, плетельщиц тесьмы и т. д.² С его именем связано множество легенд. Одна из них гласит о том, будто некто, собравшийся совершить паломничество в далекую Мекку, попросил Бобои-Порадуза изготовить ему в дорогу прочную обувь. Мастер изготовил ее... из корки арбуза и сумел убедить заказчика в прочности своего изделия. А после нескольких лет странствий паломник вернулся в обуви, не потерявшей своего прежнего вида. С тех пор слава о Бобои-Порадузе как искусном мастере разнеслась по всей округе, и он единодушно был признан пиром. По другому преданию, «если прахом от мазара Бобои-Порадуз присыпать рану, то он мгновенно принесет исцеление»³. Еще в начале XX в. поклонение мазару Бобои-Порадуз было настолько велико, что едущие верхом мимо мазара сходили с лошадей, а пешие снимали обувь.

Почитание и легенды нередко сохранялись в веках лучше, чем памятники старины, с которыми их связывала молва. Из некогда большого числа сооружений мазарного комплекса до нас дошла лишь центральная часть мавзолея. Купол мавзолея и боковые стенки находились в полуразрушенном состоянии. При строитель-

¹ См.: Алимов У., Мирзаахмедов Д., Мела Т. Мавзолей Бобои-Порадуз в Бухаре. — ОНУ, 1975, № 4, с. 69—71.

² В период средневековья каждое ремесло имело своего патрона (пира), которому приписывалось основание ремесла. Бобои-Порадуз в переводе с фарси означает мелкую починку обуви, одежды и др.

³ Соколов Ю. А. Бухара, Самарканд. Келиф в 1813 г. — Труды САГУ. Новая серия. Вып. XC. Серия историч. н. Кн. 14. Ташкент, 1957, с. 200.

ных работах по благоустройству прилегающей территории были распланированы многометровые наслоения мазара вокруг мавзолея. Уровень дневной поверхности был понижен на 2—3 м и, хотя ныне стоящий мавзолей сохранен, он оказался на останце высотой около 3 м. Его площадь составляет примерно 200 м². Среди обломков кирпичей под разрушенными стенами мавзолея обнаружено большое количество неполивной резной облицовочной терракоты, которая в какой-то мере проливает свет на период возникновения и историю этого памятника.

В настоящее время от всего сооружения уцелели лишь стены, не превышающие по высоте 1—1,5 м. Снаружи (за исключением portalной части) не сохранилось ровной кладки внешних стен. Обнажившиеся боковые неровные кладки стен сложены из кирпича размером 21×21×3,5; 23×23×4; 25×25×4 см на глиняном растворе⁴. По всей площади основания мавзолея проходит цоколь из двух рядов прямоугольных известняковых каменных блоков различных размеров (90×90×50; 85×85×30 см и более меньших). По фасаду они несут на себе кирпичную кладку, остатки пилястр и встроенные рядом с ними полуколонки из шлифованного парного кирпича с перемычкой «бантиком» в вертикальных швах. Благодаря этому фигурная порталная часть в плане напоминает входы в древние портално-центрические мавзолеи Средней Азии, известные в литературе со второй половины X в. и получившие наибольшее распространение в XII—XIII вв.

Однокомнатный мавзолей, прямоугольный в плане (рис. 1), состоял из двух частей: центральной, с саганой, входом с одной стороны и михрабной нишей, смотрящей на запад — с противоположной стороны, и меньшей боковой, образованной небольшими уступами стен центральной части. На всех четырех стенах располагаются прямоугольные ниши, начинающиеся от верха каменного цоколя.

Сагана — надгробие характерной формы. Оно располагается на низкой, несколько выступающей прямоугольной платформе, и, занимая значительную площадь, смещается к восточной стене помещения. Пол выложен из целого и обломков разноформатного кирпича, среди которых найдено несколько фрагментов резной неполивной облицовочной терракоты.

Находки неполивной архитектурной терракоты, форма входа, присущая ранним мавзолеям, орнамент «бантиком», малоразмерные кирпичи, — все это свидетельствует о древности сооружения, но тем не менее выкладка стен разноформатным и разновременным кирпичом, расположение мавзолея по самому верху мазара

⁴ Создается впечатление, что ровных кладок наружных стен мавзолея (на сохранившейся ныне высоте) могло и не быть вовсе, ибо мавзолей встроен с некоторым заглублением в быстро растущие толщи мазара и его боковые стороны закрывались могилами. На встроенность мавзолея в действующий мазар указывает также ограниченность площади перед фасадом и его углы, либо срезанные, либо теряющиеся под многоэтажными саганами.

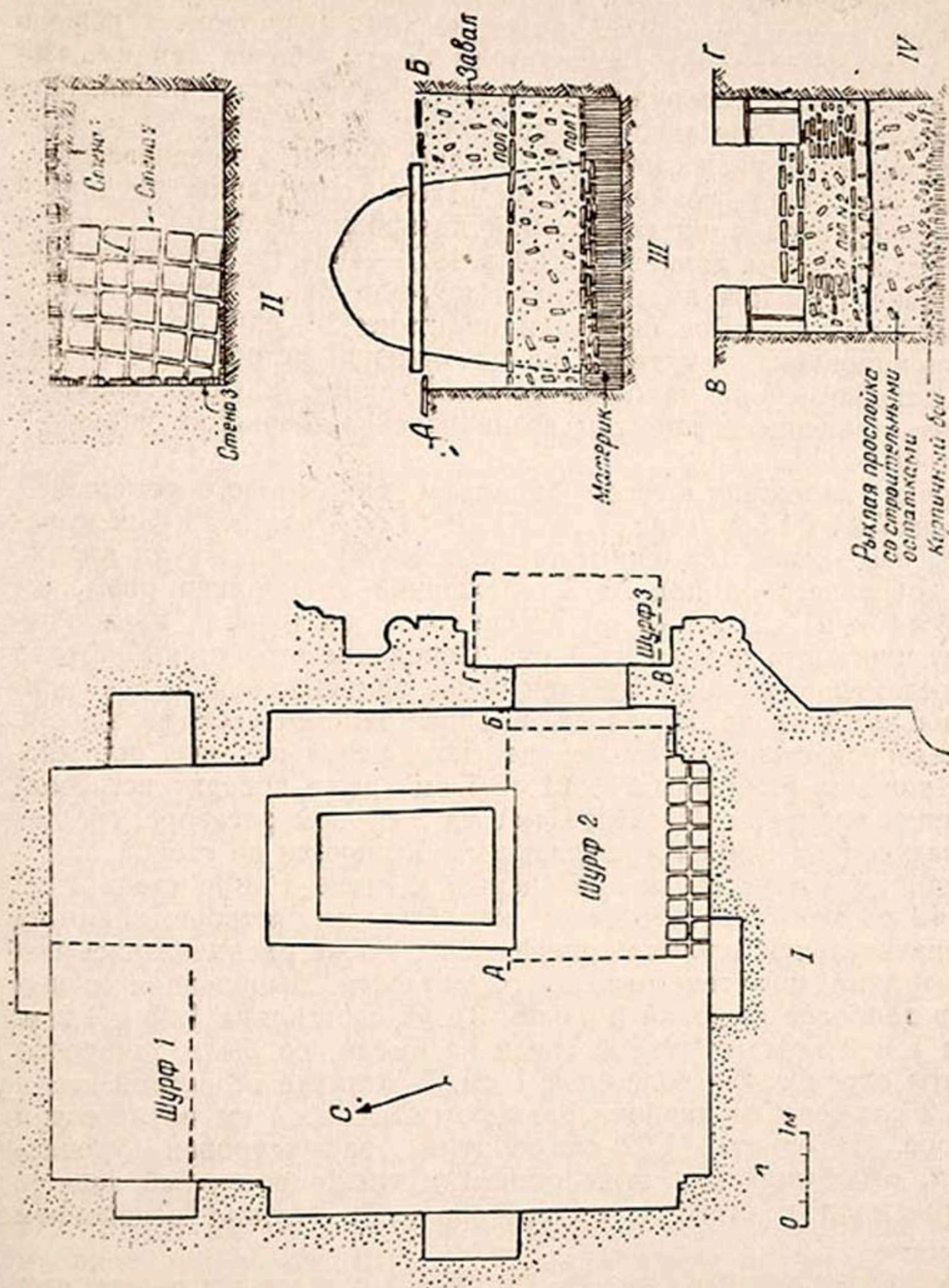

Рис. 1. Общий план мавзолея (I) и разрезы шурфов 1 (II), 2 (III), 3 (IV).

(более ранние памятники, например, Исмаил Самани, Магоки-Аттори, как правило, глубоко уходили под культурные слои), еще не успевшие потемнеть кирпичи, сравнительно свежие связующие растворы кирпичной кладки фасадной части заставляют датировать ныне стоящий мавзолей более поздним периодом, а резную архитектурную терракоту, находимую здесь, — более ранним. Подобные памятники, сооруженные в подражание более ранним архитектурным образцам, или их возведение на остатках более ранних не является редкостью для Бухары позднего средневековья.

Для выявления возможных остатков сооружений предшествующих периодов и их конкретной датировки археолог Т. Мела в 1973 г. и авторы данной статьи в 1973—1974 гг. произвели обследование и заложили несколько шурфов как снаружи, так и внутри памятника. Все они дали практически единую картину функционирования памятника на протяжении истории его развития. Остановимся на наиболее важных из них, дающих конкретное представление о времени возникновения, периодах упадка и перестроек.

Шурф I заложили в северо-западном углу бокового помещения площадью $2,5 \times 1,5$ м (рис. 1, I, II). В результате вскрытия выяснилось, что здание (каменные блоки цоколя) покоится на кладке стены, обозначенной под № 3, сложенной из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ и $21 \times 21 \times 3-4$ см на лёссовом растворе и выступающей из плоскости цоколя на 7 см⁵. Основание этой стены лежало непосредственно на кладках стен более раннего сооружения, ориентация которого не совпадала с вышестоящими стенами здания. Под северной стеной мавзолея, наискось уходя под нее, шла стена из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см (реже поверху встречался кирпич размером $24 \times 25 \times 4$ см) на лёссовом растворе, сплошь оштукатуренная ганчем (условно мы обозначили ее стеной 1).

Под прямым углом по отношению к стене 1 шла стена 2 из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см на лёссовом растворе, занимавшая значительную площадь шурфа. Она также располагалась под углом к западной стене нынешнего мавзолея. Выявленная ее ширина в наиболее широкой и узкой частях составляла 1,35 и 1,2 м. Стены 1 и 2 конструктивной связи не имели, но были однородно покрыты слоем ганча толщиной 1 см. В отличие от первой стены стена 2 сложена из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см на лёссовом растворе. На отметке 1,92 см от нуля⁶ зафиксирован уровень пола 2, относящийся к этим стенам и также покрытый ганчем. Он примыкал к стене 1, идущей ниже, и служил основанием

⁵ Дальнейшие раскопки показали, что стена 3 служила для выравнивания основания под укладку каменного цоколя, так как стены предшествующего периода сохранились на разную высоту.

⁶ За репер принята нулевая отметка, отбитая при архитектурном обмере памятника по линии Ташкентской специальной научно-реставрационной мастерской.

для стены 2. Таким образом, пол 2 соответствовал по времени стене 2 из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см.

В отличие от второй стена 1 при снятии этого пола продолжалась вниз до отметки 2,46 см, где был обнаружен новый уровень пола, обозначенный как 1, из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см, также сплошь покрытый ганчем. Следовательно, стена 1 соответствовала по времени полу 1, лишь вторично используя во второй период функционирования мавзолея. Грунт между полами 2 и 1 состоял из однородного сравнительно неплотного слоя земли с небольшими включениями строительных остатков. Археологический материал представлен несколькими фрагментами керамики, не поддающейся конкретной датировке. Хотя шурф 1 и дал два уровня полов, предшествующих по времени строительству последнего мавзолея, все же из-за необходимости определения их датировки был заложен шурф 2 (III) между южной стеной здания и надгробием. Одновременно можно было проконтролировать уровни по шурфу 1 и их связь с саганой (размеры шурфа 2— $2,5 \times 2$ м). Шурф 2 показал, что цокольная часть южной стены здания покоилась на кладке стены 2, выходящей из плоскости цоколя на 42 см и сложенной из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см на лёссовом растворе. Стена сохранилась на высоту 40 см и на уровне 1,8 м от «нуля» переходила в пол 2 из того же кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см, сплошь покрытый ганчем.

Пол 2 шел по всей площади шурфа и примыкал к сагане. Сагана до уровня пола 2 покрыта ганчем, который однороден и одновременен наземной его части. В результате общая высота саганы достигла 1,52 м. Сравнительно рыхлый культурный слой до пола 2 состоял из строительных остатков с редким включением фрагментов бытовой керамики. Среди них был фрагмент стенки с матово-голубым фоном и марганцевой полосой орнамента, датированный XVIII — первой половиной XIX в., и несколько фрагментов неполивной керамики.

Сагана под полом 2 продолжалась в разрушенном состоянии еще на 0,58 см. Этот слой разрушения лежал на кладке из одного ряда кирпичей размером $21 \times 21 \times 3,5$ см. Кладка выступала из плоскости верхней грани саганы второго периода и покоилась на полу 1 (на уровне 2,5 м от «нуля») из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см, который шел по всей площади шурфа и был покрыт ганчем. При снятии пола подпольная выступающая часть саганы имела три ряда кладки из того же кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см на лёссовом растворе и была идентична верхнему ряду над полом. Швы между кирпичами достигали 4—5 см. Культурный слой над полом 1 дал незначительные фрагменты керамики, датированные XIV—XV и первой половиной XVIII в. Под полом встречены фрагменты чаши с глазурью синего цвета и схематическим орнаментом черной краской по белому ангобу (рис. 2, 1). По цвету поливы и раскраски им аналогичны блюдо

и чаша из Ирана, датируемые XIII в.⁷, а по характеру рисунка, но в более упрощенной форме — изделия из Сарайчика (XIII—XIV вв.)⁸. На памятниках Бухары подобная керамика встречается также среди материалов конца XIII—XIV вв.⁹

Ниже подпольной кладки саганы шурф приостановлен, так как на данной глубине шел слой чистого песка, перемешанного с

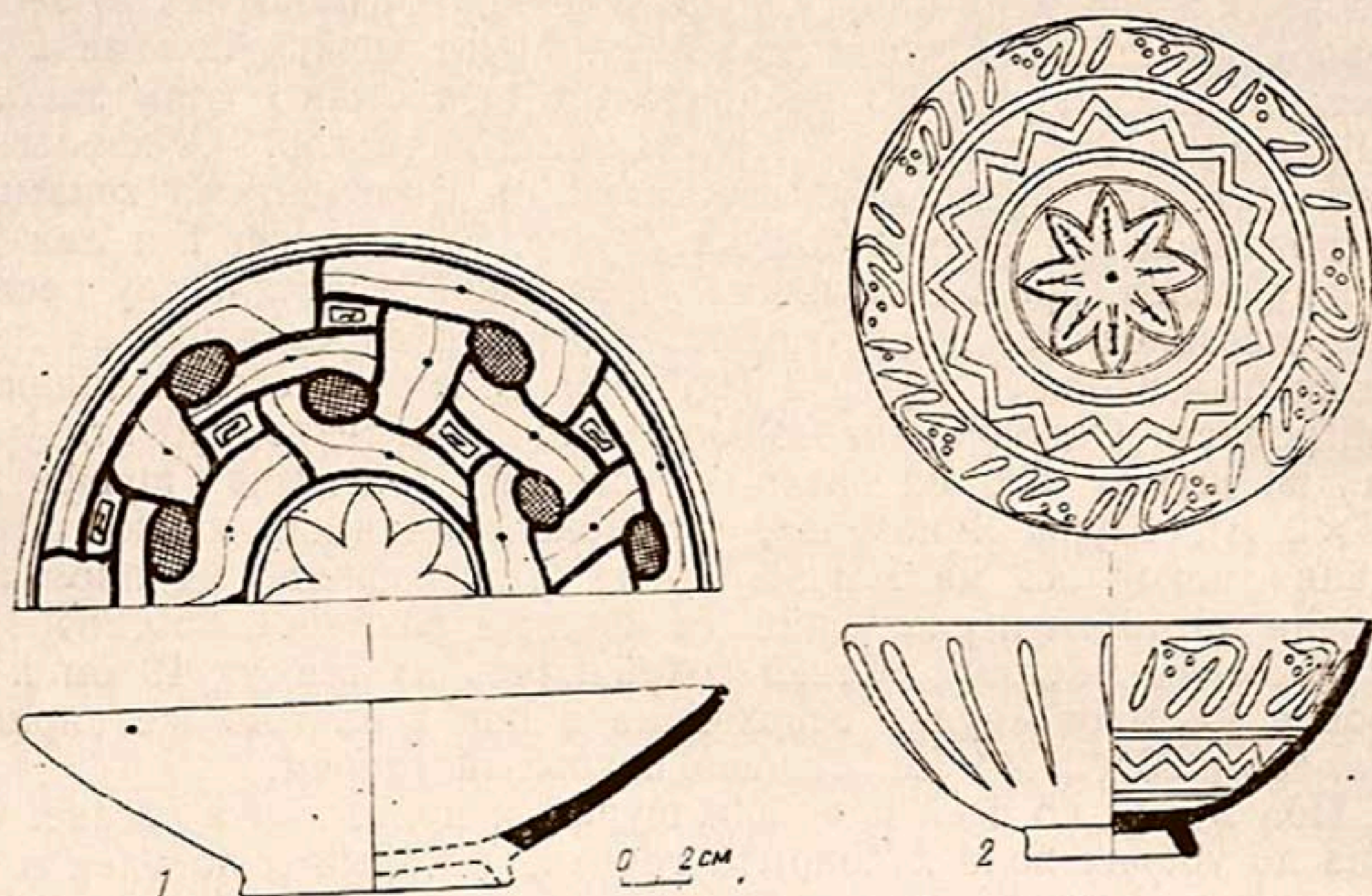

Рис. 2. Чаши с нижних слесев шурфов 2 и 4.

глиной. Таким образом, второй шурф, как и первый, дал два уровня полов, предшествующих нынешнему полу мавзолея, а также позволил провести предварительную датировку пола 1 концом XIII—XIV в., а второго — не ранее второй половины XVIII в.

Для проверки этих данных мы в фасадной части при входе заложили третий шурф (см. рис. 1, IV) размером 2×1 м, прямоугольный в плане и вытянутый по фасаду на всю ширину входного проема. В результате выявлено, что ныне существующий мавзолей имеет два уровня полов. Первый шел по нижней кромке цоколя и соответствовал времени его строительства. Вторым был на 0,12 см выше первоначального. Он выложен из разноформатного кирпича размером 21×21×3,5; 25×25×4; 43×43×5 см.

⁷ Масленицына С. Искусство Ирана. Л., 1975, рис. 23.

⁸ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, рис. 4.

⁹ На основе ошибочной датировки этой керамики IX — началом X в. Т. Мела относит сооружение саганы и первого периода мавзолея к X в., резную неполивную терракоту — к XII в., второй период функционирования памятника — к XIV—XV вв., а последний, нынешний, третий период — к XIX в. Таким образом, здесь получается несоответствие между временем возникновения (X в.), вторым периодом функционирования (XIV—XV в.) и датировкой резной терракоты (XII в.).

На 0,4 м ниже цоколя и первоначального пола нынешнего мавзолея (на уровне 1,6 м от «нуля») располагался дверной проход предшествующего второго периода с боковыми стенками и полом, коридорообразно выступавшим на 1 м от фасада нынешнего мавзолея и переходящим в двухступенчатый (по 0,2 м) подъем, почти достигая уровня нынешней дневной поверхности при входе к памятнику. Боковые стены прохода, пол и ступеньки сплошь покрыты ровной ганчевой обмазкой в два слоя (первый — черновой кладки, второй — белой). По соотношению уровней новый проход соответствовал полу 2, отмеченному в шурфах внутри мавзолея. Ширина прохода пола 2 несколько уже (1 м) вышестоявшего (1,22 м), хотя они совпадали по направлению и шли один над другим. Боковые стенки прохода 2 сохранились на высоту 0,3—0,35 м, ширина левой стороны достигала 0,27 м, правой — 0,34 м. Они неровно выложены из обломков и целых кирпичей размером $23 \times 23 \times 3,5$ и реже $25 \times 25 \times 4$ см на лёссовом растворе. Принимая во внимание, что внутренняя часть боковых стенок прохода 2 хорошо оштукатурена, а внешняя, выложенная очень неровно из обломков кирпича без всякой, хотя бы поверхностной, обработки, указывает, что мавзолей, соответствующий полу 2, — наспех построенное сооружение без фундаментов, встроенное с заглублением в толщу мазарных наслоений на остатки более ранней усыпальницы. Керамический материал над полом 2 представлен фрагментами глазурованных изделий второй половины XIX в. с характерным желтым и зеленоватым фоном.

Под проходом в том же направлении шел 10-сантиметровый слой рыхлых строительных остатков и затем твердый земляной пол толщиной 5—6 см. Незначительные фрагменты керамики, найденные в рыхлых строительных отложениях как над земляным полом, так и под ним, относились к первой половине XVIII в. Соответствующего пола внутри мавзолея обнаружить не удалось, но, судя по керамике, его можно отнести к поре социально-экономического и политического кризиса, охватившего Среднюю Азию в этот период. На это указывает и сильно разрушенная сагана на этом уровне и то, что рядом с земляным полом мы не обнаружили никаких архитектурных остатков. Это свидетельствует о том, что в этот период мавзолей был без присмотра в сильно разрушенном состоянии. И хотя наличие земляного пола говорит о том, что памятник функционировал, все же отсутствие элементарной кирпичной выстилки и алебастрового покрытия, существовавшего на других уровнях, заставляет нас предполагать, что пол функционировал в пределах XVIII в.

Под земляным полом шли рыхлые строительные остатки с незначительными фрагментами керамики XIV—XVIII вв., а на уровне 2,4 м от нуля, соответствовавшем полу 1 внутри мавзолея, начался сплошной бой из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$; $25 \times 25 \times 4$ см.

Учитывая, что архитектурные остатки мавзолея предшествующих периодов выступали за пределы ныне сохранившегося останца, мы у его основания заложили шурф 4. Здесь на уровне первого пола в юго-западном углу мавзолея наружу выступали остатки фундамента, сложенные из кирпичей размером $25 \times 25 \times 4$ см на глиняном растворе и сохранившимся на высоту 10—15 см. Одним концом стена фундамента уходила под останец, а с другой стороны разрушена работавшей при распланировке мазара техникой. У нижнего края фундамента найдены примыкавшие к нему обломки археологически целой глазурованной чаши на кольцевом поддоне (рис. 2, 2).

По центру ее внутренней поверхности нанесена лепестковая розетка, а поверх нее — орнаментация в виде двух concentрических рельефных поясов соответственно с рельефной ломаной линией посередине и повторяющейся надписью по верху стенки. Наружная поверхность чаши также орнаментирована вертикально поднимающимися рельефными линиями. Подобная керамика имела широкие аналогии среди материалов золотоордынских городов¹⁰, Хорезма¹¹, Казахстана¹², Ирана¹³. Она датируется XIV в., что служит еще одним доказательством времени сооружения первоначального мавзолейного комплекса¹⁴. На 5—6 см ниже стены фундамента шел чистый материковый лёсс. Таким образом, здесь, как и в шурфе 2, под уровнем пола 1 зафиксирована керамика XIV в. Разница заключается лишь в том, что в шурфах 1—2 стена и пол 1 сложены в основном из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см, а в шурфах 4 и 3 (частично) на уровне пола 1 отмечен кирпич размером $25 \times 25 \times 4$ см. Необходимо отметить, что кирпич размером $21 \times 21 \times 3,5$ см, характерный для X в., не может быть конкретным датирующим аргументом для Бухары без подтверждения другими данными¹⁵.

Итак, в результате археологических исследований мавзолея Бобои-Порадуз была выявлена стратиграфия трех последовательно сменявших друг друга строительных горизонтов, которые сложились на протяжении нескольких столетий. Первый строительный период получен в шурфах 1 и 2 в виде пола и стены. В шурфе 3 и 4 на этом уровне обнаружен лишь кирпичный бой и ос-

¹⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, рис. 110—113.

¹¹ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). — Труды ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959, рис. 35.

¹² Археологическая карта Казахстана, рис. 6, 8.

¹³ Islamische Keramik. Hetjens-Museum. Düsseldorf, 1973 (рис. 247).

¹⁴ Период обживания данной территории, и, весьма возможно, культ саганы могли возникнуть несколько ранее, хотя для этого мы не имеем конкретного археолого-архитектурного подтверждения, так как рядом с останцем среди остатков разбросанных кирпичей найдено несколько фрагментов керамики с голубой поливой (XII—XIII вв.).

¹⁵ В условиях длительного обживания жженный кирпич выбирали из разрушенных и полуразрушенных зданий и переиспользовали.

татки фундамента. Судя по фрагментам керамики, найденным под полом 1 в шурфе 2, и фундаменту в шурфе 4, остатки первоначального мавзолея можно датировать XIV в. Как показали материалы шурфа 2, основание саганы конструктивно связано с полом 1 и восходит к XIV в.

Второй строительный период, построенный на остатках первого с частичным использованием его стен, отстоит на 0,6—0,65 см выше первого. Он получен в шурфах 1, 2 и 3 (по высоте 0,4—0,45 см). По данным шурфов можно получить представление об архитектурной планировке мавзолея в этот период, так как выявлены северная¹⁶, западная (шурф 1) и южная (шурф 2) стены, а также входной проем с расположенными перед фасадом двумя ступеньками, по которым спускались в мавзолей второго периода функционирования (шурф 3). Наличие этого спуска и отсутствие на сохранившейся высоте стенок проема наружной, хотя бы частичной, облицовки говорит о том, что уже тогда мавзолей был построен с некоторым заглублением в толщу мазарных наслоений. Видимо, это снижало затраты на внешнее оформление боковых стен памятника.

Датировка второго периода мавзолея Бобои-Порадуз определена на основе керамических материалов и данных исторических источников. Образцы наиболее поздней керамики, обнаруженной под полами 2 в шурфах 2 и 3, относятся к первой половине XVIII в., т. е. мавзолей второго периода не мог быть построен ранее второй половины XVIII в.¹⁷ Причем и в третьей четверти XVIII в. экономическое и политическое положение в стране продолжает оставаться напряженным¹⁸ и лишь в последней четверти XVIII в. наступает общий подъем экономики и усиление ханства¹⁹, территориальный рост города, восстановление вакфов²⁰, ремонт разрушенных и строительство новых архитектурных памятников Бухары²¹. Конкретно датировать второй период нам помогают записки купца, побывавшего в Бухаре в 1813 г. Автор отмечает, что в округе и черте города имеется множество гробниц, среди которых и «Бобои-Порадуз (близ ворот арсенала), прах которого, если им присыпать рану, как говорят, приносит мгновенное исцеление. Эта гробница представляет собою плос-

¹⁶ Северная стена, относящаяся к 1 периоду, была использована по назначению и во второй период, а для третьего периода она послужила фундаментом для цоколя нынешнего мавзолея.

¹⁷ Как мы отмечали выше, для XVIII в. в шурфе 3 прослежен самостоятельный земляной вход (под полом 2) в мавзолей.

¹⁸ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976, с. 310—311.

¹⁹ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, с. 107.

²⁰ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары, с. 314—315.

²¹ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, с. 36—38.

кую каменную плиту, над которой не сооружено никакого здания»²².

Для нас очень важно то, что в 1813 г. над памятником не было никакого архитектурного сооружения, т. е. в период кризиса мавзолеей, видимо, был полностью разрушен, а кирпичи с этого сооружения могли использоваться для строительства саган, окружавших памятник. Следовательно, мавзолеей второго строительного периода сооружен после 1813 г. — в близких пределах этой даты. Его строительство с некоторым заглублением в грунт и частичным использованием стен первого периода требовало незначительных затрат и скорее всего было произведено собственными силами почитателей. Видимо, поэтому мавзолеей быстро пришел в негодность и, судя по поливной керамике, в конце XIX—начале XX вв. его построили заново. Как показали археологические вскрытия, мавзолеей последнего III строительного периода построен на остатках стен II периода, но без соблюдения их ориентации, а тем самым и планировки²³.

Среди археологического материала, собранного вокруг мавзолея, имелись образцы резной неполивной облицовочной терракоты. Такая же по характеру архитектурная керамика собрана нами в шурфе на полах второго и третьего периодов мавзолея и между ними. Из массы резной терракоты особый интерес представляют образцы, дающие представление о композиции и мотивах орнаментации. Декор на них представлен в основном рисунками геометрического, растительного и эпиграфического характера. На первом рисунке (рис. 3, 1) фрагмент плитки с орнаментом в виде панджары. На втором — часто встречающийся мотив в виде шестиконечных звезд и располагающихся на его лучах шестигранников²⁴ (см. рис. 3, 2). Обе плитки (ширина 15 см, толщина 3—3,5 см) выполнены из светло-желтой глины с глубиной резьбы 0,5—1 см.

Внутренняя плоскостная поверхность геометрических фигур на плитках выполнена неровно. Как считает Н. С. Гражданкина, гнезда геометрических фигур заполнялись равноценным гипсом, что имитировало мозаику, либо самой мозаикой. Близкая по характеру техника (Кырма) применена в декорациях интерьеров хонако Файзабад в Бухаре²⁵. Этой же техникой и тем же вре-

²² Соколов Ю. А. Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 г. — Труды САГУ. Новая серия. Кн. 14. Ташкент, 1957, с. 200.

²³ В шурфе I стена 3, подстилающая каменный цоколь, имеет прямое отношение к мавзолею последнего III периода. Она служила для выравнивания гребней стен предшествующих периодов, которые сохранились на разную высоту.

²⁴ Памятники архитектуры Туркменистана. Л., 1974, с. 212 (Тимпан портала мавзолея Наджм-ад-дина Кубра — XIV в.); Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, рис. 212, 6 (Дверь зиаратханы Кусам ибн Аббаса — XIV в.).

²⁵ Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948, с. 119.

менем (XIV—XV вв.) датируются резные мраморные плиты с гнездами для изразцовой мозаики из Самарканда²⁶.

На третьей плитке представлен мотив широких крестов. Изображение выполнено в плоскостной форме, глубина резьбы не превышает 0,5 см. Ширина плитки 13 см, толщина 3,5 см, цвет — розовый, (см. рис. 3, 3).

Две следующие плитки (см. рис. 3, 4, 5) с медальонами и растительной орнаментацией ислями близки по характеру и ком-

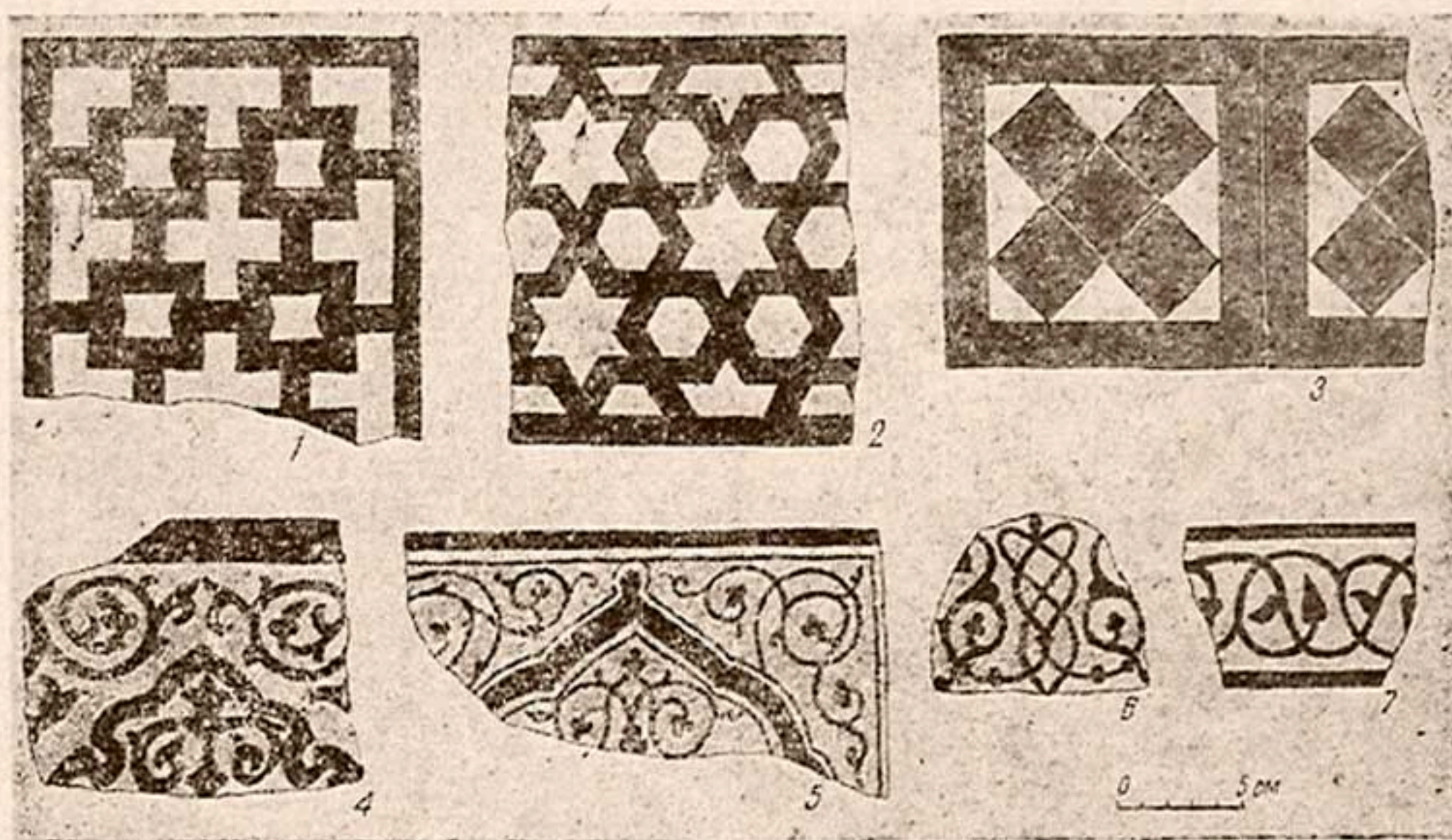

Рис. 3. Резная терракота с геометрическим и растительным орнаментом.

позиции орнамента, но различаются техникой выполнения. На первой резба трехплановая с рельефно выступающим медальоном и поднимающейся еще выше каймой. Она выполнена техникой штампа, цвет теста — розовый. Вторая выполнена резбой — она двухплановая с плавным переходом к рельефно выступающему медальону. Тесто — светло-розовое. Глубина резьбы на обеих плитках не превышает 0,5 — 0,8 см. Подобные плитки с медальонами и близкой по характеру орнаментацией широко встречаются в архитектурной облицовочной керамике Средней Азии²⁷ и Ирана²⁸.

²⁶ Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои. — Труды САГУ. Новая серия. Вып. XXXI. Ист. науки. Кн. 12. Ташкент, 1956, с. 62; Бурякова Э. Ю. К стратиграфии площади Регистан. — ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978, с. 155.

²⁷ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана, рис. 122, 1 (Тисненная плитка с медальоном XIV в. из Наманганского музея).

²⁸ Гюзальян Л. Т. Фризные изразцы XIII в. с поэтическими фрагментами. — «Эпиграфика Востока», 1949, № 3, с. 78, рис. 5 (Автор не отрицает ее возможной датировки XIV в.).

Орнаментация двух следующих фрагментов (см. рис. 3, 6, 7) представлена в виде вьющегося растительного побега, причем ленточный узор второго фрагмента служил бордюром или разделительным пояском, обрамляющим более значительные декоративные композиции, наблюдаемые на фасадах мавзолеев этого периода²⁹. На первом фрагменте цвет теста розовый, глубина резьбы достигает 1 см, толщина кирпича — 2,5 см. На втором цвет теста свет-

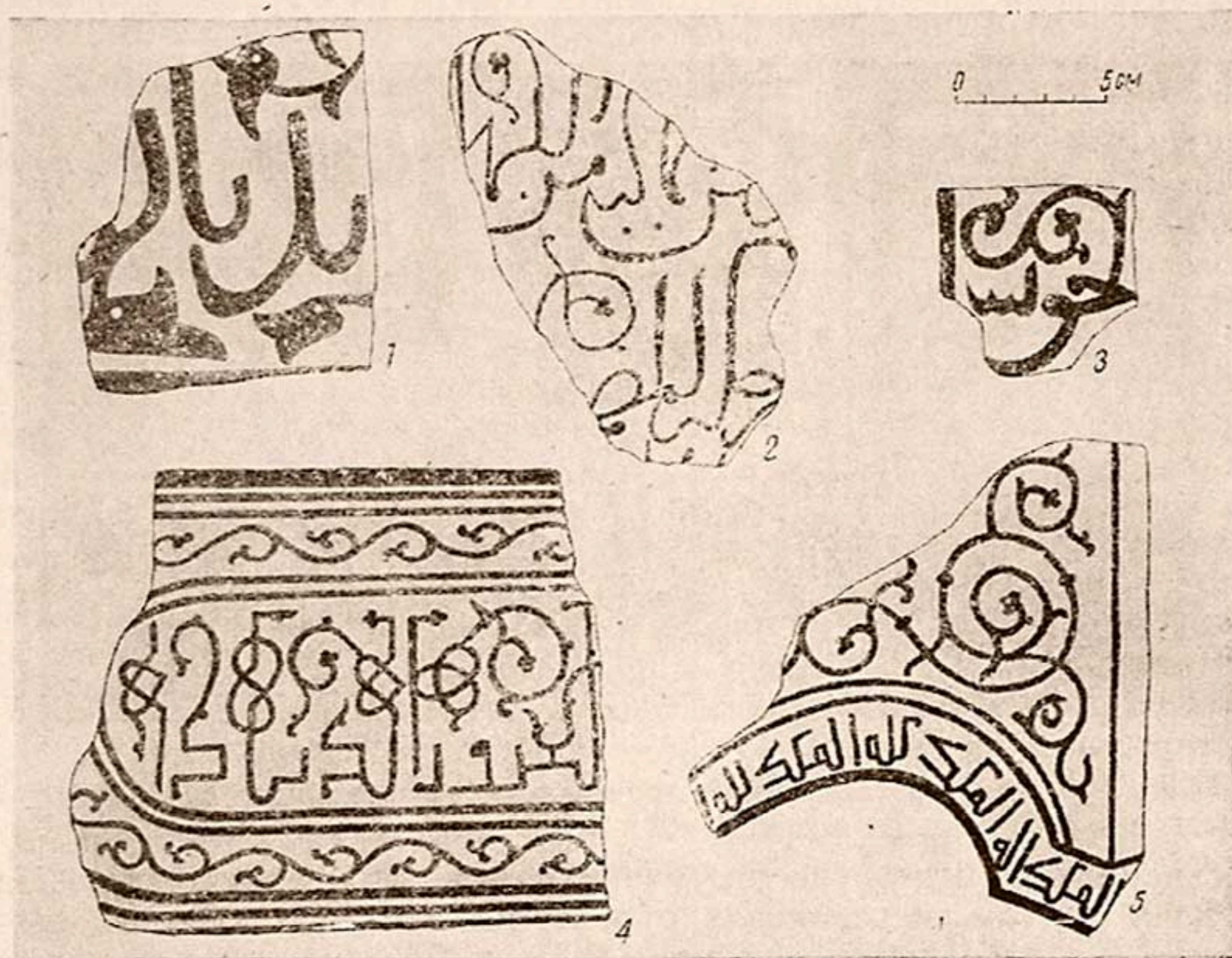

Рис. 4. Резная терракота с эпиграфическим орнаментом.

ло-желтый, глубина резьбы составляет 0,7 см, толщина кирпича — 4 см, резьба выполнена грубее.

Имеются также фрагменты резной облицовочной терракоты с эпиграфическими мотивами. Первый (рис. 4, 1) выполнен почерком «наسخ» с заполнением резервов растительными побегами, бутончиками и листиками. Характерным элементом является наличие на некоторых деталях фрагмента небольших (на глубину резьбы 0,8 см) конусовидных отверстий. Близкая по стилю надпись имеется на створке двери мавзолея Дарган-Ата (она дати-

²⁹ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950; Бретаницкий Л. С. Об одном малоизвестном памятнике Таджикского зодчества.— МИА Вып. 66. М.—Л., 1958, рис. 23.

руется М. Е. Массоном серединой или третьей четвертью XIV в.)³⁰, в надписях мавзолеев Шахи-Зинда, датируемых третьей четвертью XIV в.³¹, и в архитектуре Азербайджана.

На втором фрагменте (рис. 4, 2) представлена плитка с изящным куфическим почерком, имеющим множество аналогов в архитектуре XIV в.³² Резервы между эпиграфикой заполнены спиралевидными растительными узорами с трилистниками и усиками. По мере заглубления к основанию резьба плавно расширяется. Глубина резьбы достигает 1 см.

На следующей плитке с эпиграфикой, стилистически также характерной для XIV в., резерв, как и на предыдущих образцах, заполнен спиралевидным растительным узором с трилистниками, завитками и усиками (рис. 4, 3). Глубина резьбы 1 см, толщина кирпича 3,5 см, цвет — светло-желтый.

На четвертом, более сохранившемся фрагменте (см. рис. 4, 4), надпись выполнена почерком «цветущее куфи». Стволы букв образуют узлы и плетенки. Подобная облицовочная керамика широко встречается на архитектурных памятниках XII—XIV вв.³³ Окаймляющий надпись ленточный бордюр аналогичен бордюру на плитке из Наманганского музея³⁴. Толщина 3,5 см, цвет розовый. Глубина резьбы до 1 см.

На последнем фрагменте (рис. 4, 5) в фигурное ленточное обрамление, поверх которого идет спиралевидный узор с трилистниками и отходящими побегами, почерком куфи вписана надпись. Она содержит повторение одного и того же слова «аль-мульк-лила», т. е. «власть» (подразумевается «власть принадлежит Аллаху»). По стилю она близка надписи в верхней части резного деревянного надгробия мавзолея Сейф-ед-дина Бохарзи (XIV)³⁵, на двери зиаратханы Кусам ибн Аббаса (XIV в.)³⁶ и в облицовке мавзолеев Шахи-Зинда³⁷. Резьба двухплановая. Цвет черепка светло-желтый, глубина резьбы до 1 см, толщина кирпича 3,9 см.

³⁰ Массон М. Е. Дарган-Атинская старина. — Труды АН ТаджССР. Т. СХХ. Душанбе, 1960, с. 121, рис. 28.

³¹ Шишкин В. А. Надписи в ансамбле Шахи-Зинда. — В кн.: Зодчество Узбекистана. Вып. II. Ташкент, 1970, рис. 9, 19.

³² Там же, рис. 3, 5; Воронина В. Л., Крюков К. С. Мавзолей Мухаммеда Бошаро. — В кн.: Древность и средневековые народы Средней Азии. М., 1978, рис. 45.

³³ Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950, рис. 30; Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии. — «Эпиграфика Востока», 1949, № 3, рис. 31, фиг. В; Памятники архитектуры Туркменистана. Л., 1974, с. 215; Носкова Л. М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья. — В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976, табл. VII, фиг. 6—9.

³⁴ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана, рис. 122, 1.

³⁵ Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. М., 1948, рис. 30.

³⁶ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана, рис. 212, 6.

³⁷ Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана, рис. 41—42.

Хотя описанная резная терракота встречается и в XI — XII вв., однако по стилю эпиграфики и сочетанию с элементами растительного узора с трилистниками она является характерной для XIV в. Некоторое недоумение может вызвать отсутствие глазури на наших образцах. В этом отношении аналогию нашему памятнику может составить мавзолей «Гумбез Манаса», полностью облицованный неполивной терракотой и датируемый 20 — 30 г. XIV столетия³⁸. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова отмечают, что Гумбез Манаса ставит перед историками архитектуры необходимость пересмотра утвердившейся в литературе концепции о повсеместном вытеснении неполивных изразцов в архитектуре Средней Азии с XIII в.³⁹ И хотя со второй половины XIV в. в Мавераннахре широко используются многоцветная майолика и наборная резная мозанка, однако вытеснение неполивных терракот не было ни окончательным, ни повсеместным⁴⁰. Более того, на мавзолее Мухаммеда Бошаро (1342 — 1343) мы наблюдаем сосуществование резной поливной майолики на портале и надгробии с резьбой по сырой глине михраба, датируемой серединой XIV в.⁴¹

Все образцы терракот были найдены нами в завалах, будучи не зафиксированными на фасаде, интерьере или других частях памятника. Тонкость резьбы, особенно чувствующаяся на эпиграфике, никак не может иметь отношения к portalу, так как здесь резная терракота должна выполняться крупным шрифтом. Поэтому нам кажется более вероятным предположение Н. Б. Немцевой, относящей резьбу к надгробию мавзолея, который мог иметь ступенчатую форму, медальончики могли располагаться по торцам, а надписи и геометрическая орнаментация — по боковым стенкам. Мы полагаем, что подобная геометрическая растительная и эпиграфическая орнаментация могла располагаться и на михрабной нише, как это наблюдается на мавзолее Мухаммада Бошаро⁴².

Определенную роль в выяснении истории мавзолея играет описание строительного раствора, остатки которого сохранились на боковых и оборотных частях терракоты. Он представлен обычным ганчем беловатого цвета и крупнозернистым грубым ганчем, хорошо сохранившимся как на оборотной, так и на боковых, часто обломанных частях резной терракоты. А как отмечает Н. С. Гражданкина, более грубый (тез ганч) встречается на позднефеодалных памятниках архитектуры. Остатки ганча на обломанных частях указывают на их вторичную установку при ремонтах. Такие факты обратной установки упавших изразцов часто фиксировались Н. Б. Немцевой на мавзолеях Шахи-Зинда. Мы полагаем,

³⁸ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса, с. 37—38.

³⁹ Там же, с. 106.

⁴⁰ Там же, с. 112.

⁴¹ Воронина В. Л., Крюков К. С. Мавзолей Мухаммеда Бошаро. с. 65—66.

⁴² Там же, рис. 44, 45.

что мавзолей в период первой половины XVIII в. полностью разрушился. Со второй половины XVIII в., видимо, его начинают посещать почитатели, на что указывает утрамбованный земляной проход под полом 2 в шурфе 3. Возможно, в межстроительные периоды, скорее всего, между первым и вторым, при частичных ремонтах были вторично установлены остатки упавшей резной терракоты к надгробию или мехрабу, так как посетивший в 1813 г эту могилу путешественник отметил, что здесь, кроме надгробия, никакого сооружения нет⁴³.

Для более конкретного освещения вопроса времени появления мавзолея и его истории обратимся к другим письменным источникам. Первые более подробные сведения о нем имеются в путеводителе Мулло-Заде, написанном в первой половине XV в. для паломников, желающих совершить поклонение к местам захоронений почитаемых в Бухаре лиц.

«Описывая памятники, сосредоточенные в районе современных ворот Салляххона, Мулло-Заде уделяет основное внимание кладбищу конца VIII — начала IX вв., известному уже тогда под названием «кладбище Ходжа Порадуза...» Кладбище получило свое название от похороненного здесь знаменитого ханефитского имама Абу Бакра Мухаммада Ахмеда ал-Ис каф (арабск.), т. е. «Сапожника», получившего прозвище Порадуз, а позднее Бобои-Порадуз (персидск.): «Дед, ставящий заплаты». По словам Мулло-Заде, народ считает четырех знаменитых Бухарских Бакров, живших в X в., учениками Бобои-Порадуза»⁴⁴.

Таким образом, уже в XV в. этот памятник был популярным и почитаемым местом. Несомненно, что отнесение источником мазара Бобои-Порадуз к более раннему периоду может быть и преувеличением, так как возведение мавзолея в XIV в. по археологическим данным и стилистическому анализу резной архитектурной терракоты является несомненным. Кажущееся противоречие во времени появления памятника, возможно, объясняется более ранним, чем сам мавзолей, возникновением саганы. Впоследствии, когда Бобои-Порадуз стал признанным пиром, возведенным в ранг святых, а его могила — местом всеобщего поклонения, здесь, видимо, и мог быть воздвигнут мавзолей.

Еще большей конкретизации вопроса помогают данные других источников, которые отмечают, что Бухарский оазис между 1238 (восстание Тараби) и 1316 г. пять раз подвергался разорению⁴⁵. Посетивший Бухару в 30-е годы XIV в. путешественник Ибн-Бат-

⁴³ Соколов Ю. А. Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 г. — Труды САГУ, с. 200.

⁴⁴ Гафурова Р. Л. «Китаб-и Мулло-Заде» как исторический источник. Автореферат канд. дисс. Л., 1961.

⁴⁵ Петрушевский И. П. Из истории Бухары в XIII в. — Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. I. Л., 1949, с. 103—118.

тута нашел базары, мечети и медресе города, еще лежащими в развалинах⁴⁶.

В опубликованных О. Д. Чехович вакфных грамотах XIV в. отмечается, что «в окрестностях Бухары в 1326 г. было очень много развалин разрушенных замков, мечетей и жилищ, запущенных выкорчеванных садов и виноградников... Все это, очевидно, следы страшных опустошений в результате монгольского нашествия и междоусобных войн между ханами. Ведь последнее разорение Бухары монголами было в 1316 г.»⁴⁷ Далее автор отмечает, что наряду с этим вакфный документ 1326 г. отразил и противоположный процесс — посадку садов, виноградников, сооружение домов, каналов и др.⁴⁸

Становится несомненным, что в том состоянии разрухи, в котором находилась Бухара в первой четверти XIV в., памятник не мог быть построен. Видимо, его возведение относится ко второй четверти XIV в., когда усилился процесс восстановления, что четко фиксируется богатой поливной керамикой этого времени. Отнесение памятника ко второй половине XIV в. противоречит выполнению его архитектурной облицовки из неполивной терракоты, которая к этому времени в архитектуре Средней Азии уже вытесняется майоликой и мозаикой. Примером может служить близкий по времени мавзолей Буян-Кулихана (1359, Бухара), архитектурная облицовка которого выполнена также в резной, но поливной майолике⁴⁹.

Касаясь окружения мавзолея и мазара (кладбища) Бобои-Порадуз, Мулло-Заде отмечает, что через дорогу находился мазар (и, видимо, мавзолей) шейха Сираджиддина Хилвати (патрона изготовителей сладостей). А к северу от него на берегу хауза — мазар (и, видимо, мавзолей) шейха Махмуда Санбусапаза (патрона изготовителей пирожков)⁵⁰. Как отмечает Р. Л. Гафурова, на кладбище, где главной святыней был мазар Бобои-Порадуз, сосредотачивались могилы лиц, фамилии которых были связаны с разными ремеслами, и нам представляется несомненным, что если и не исключительно, то во всяком случае главным образом здесь были захоронены представители ремесленных слоев Бухары и ее окрестностей⁵¹.

В начале XX в. здесь действительно находились три мавзолея, причем один из них, расположенный к северо-востоку от Порадуза, носил название Бобои-Намати, что в переводе означает «дед, изготовлявший кошмы». Рядом с этим мавзолеем находились

⁴⁶ Ибрагимов Н. «Путешествие» Ибн Баттуты (1333) как источник по истории Средней Азии. — В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 141.

⁴⁷ Чехович О. Д. Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965, с. 14.

⁴⁸ Там же, с. 14—15.

⁴⁹ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары, с. 45.

⁵⁰ См.: Гафурова Р. Л. «Китаб-и Мулло-Заде» как исторический источник.

⁵¹ Там же.

мечеть, минарет и колодец. Возможно, это упоминаемый в источнике мазар Махмуда Санбусапаза, но разность в названии пока удерживает от идентификации. Несомненно лишь то, что наличие этого мавзолея не отрицает предположения о связи этого мазара с разными ремеслами⁵². Дальнейшего уточнения требует вопрос о захоронениях обычных представителей ремесла. Тем не менее к началу XX в. здесь хоронили и простых жителей близлежащих кварталов⁵³.

Строительство мавзолея над могилой своего патрона-пира, возведенного в ранг святого, могло быть произведено только сообществом ремесленников, имевших к нему отношение и притом уже с утвердившейся сильной ролью цеховой организации, как института с четкими нормами правил труда и поведения, юридически закрепленных в специальных документах («рисола»).

Влияние и роль цеховой организации в жизни ремесленников сохранились вплоть до конца XIX — начала XX вв. и отмечены авторами этнографических работ. Все ремесленники, считавшие Бобои-Порадуза своим патроном, устраивали на мазаре общие цеховые собрания (арвохи пир) раз в три-четыре года, либо в период весеннего равноденствия, либо во время праздника нового года. Для таких собраний производился сбор денег с ремесленников и устраивались угощения. Как отмечает Е. М. Пещерева, «ежегодно во время празднования нового года по вторникам на мазаре Бобои-Порадуз бывали особые женские гуляния... Собирались все женщины, имевшие отношение к ремеслам, покровителем которых являлся Бобои-Порадуз...»⁵⁴. Таким образом, мы здесь встречаемся с немногочисленными фактами, проливающими свет на участие женщин в жизни цеховой организации, что свидетельствует об их определенной роли в производственных отношениях соответствующих ремесел⁵⁵.

На территории Средней Азии имеются другие места с захоронениями Бобои-Порадуза⁵⁶. Этот факт популярности личности Бобои-Порадуза, сапожника по профессии, объясняется значительной экономической ролью ремесел, связанных с иглой. Наличие

⁵² Косвенным подтверждением этому могут служить этнографические материалы из г. Ура-Тюбе, где «каждая группа населения имела свое кладбище». См.: Турсунов Н. О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX вв. Душанбе, 1976, с. 137.

⁵³ Вполне вероятно традиция преимущественного захоронения здесь представителей ремесла вплоть до XVIII в. После XVIII в. намечается заметный отход от преемственности в культуре, искусстве и т. д.

⁵⁴ Пещерева Е. М. Бухарские золотошвей. — «Сборник музея антропологии и этнографии». Вып. XVI. М.—Л., 1955, с. 281.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «В Кара-Кургане, расположенном в 18 верстах на север от Чуста, имеется известный мазар, в котором похоронен мусульманский святой Бобои-Порадуз... по профессии сапожник, потому он и служит патроном всех сапожников этой местности». — См.: Кастанье И. А. Историко-этнографическая поездка в Наманганский уезд Ферганской области. «Известия Туркестанского отдела ИРГО». Т. X. Вып. I, 1914, с. 146.

же других мавзолеев и возникновение культов в других областях обычно объяснялось перенесением сюда клочка волос или пальца патрона того или иного ремесла.

На примере мавзолея Бобои-Порадуз в Бухаре мы сталкиваемся не только с оригинальным, к сожалению, не дошедшим до нас памятником средневекового зодчества, но и с одной из немногочисленных усыпальниц, предназначенных для захоронений представителей не правящей династии, знати или духовенства, а ремесленного сословия. Возникновение подобных мавзолеев, их территориальное сосредоточение и датировка, видимо, являются не случайными. К XIV в. относится возникновение культов над могилами покровителя гончарного ремесла Саид Амир Кулала (близ Гиджувана) и Баховаддина Накшбенда (по профессии ткача) близ Бухары. Исторические источники показывают общий рост брожения в народных массах, процесс усиления их влияния на политические события, возникновение т. н. сарбадарских республик.

Строительство мавзолеев, возникновение культов и возведение представителей ремесла в ранг святых явилось лишь специфической восточной формой идеологического закрепления в религиозной оболочке ремесленным сословием своего места и роли в общественных отношениях этого периода.

Мы полагаем, что строительство мавзолея было произведено на средства и с помощью тех ремесленников, которые поклонялись Бобои-Порадузу и считали его своим пиром, т. е. мы здесь можем твердо утверждать о существовании цеховых организаций, ведь до сих пор их наличие по письменным источникам фиксируется только с конца XIV — начала XV вв.⁵⁷ И хотя мы не сомневаемся в их существовании с предмонгольского периода, но отсутствие как в письменных, так и в археологических источниках прямых на то доказательств⁵⁸ позволяет нам, на нашем материале, передвинуть эту дату на первую половину XIV в.

А. А. АБДУРАЗАКОВ

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ УЗБЕКИСТАНА

Древние и средневековые памятники республики, выявленные в ходе археологических раскопок, преимущественно возведены из сырцовых материалов — пахсы, пахсовых блоков и кирпичей. Многие из таких памятников вследствие слабой стойкости сырцовых

⁵⁷ Беленицкий А. М. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв. — КСИИМК. Вып. VI. М., 1940, с. 45; Он же. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв. — ТОВЭ. Т. II. Л., с. 189—201.

⁵⁸ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 301.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 20

Ответственный редактор
член-корреспондент АН УзССР А. А. АСКАРОВ

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1986

**Список монет неопределенных, плохой сохранности
(целых и обломков):**

69. 81,Р—23,5/4. Найдена в помещении 4 дома 5, напротив прохода в помещение 2, в заполнении, у основания ремонтных пристроек.

70. 81,Р—23,1/6. В заполнении помещения 6 дома 1.

71. 81,Р—23,4/4. Найдена на полу зала 4 в доме 4 в юго-западном углу суфы.

72. 81,Р—23,4/4. Там же, в середине помещения на полу.

73. 81,Р—23,4/4. Там же, у прохода в зал, на полу.

74. 81,Р—23,4/4. Там же, на полу IV строительного периода у восточной стены.

75. 81,Р—23,4/3. Найдена в закладке северной ниши в восточной стене помещения 3 в доме 4.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, Д. К. МИРЗААХМЕДОВ, Ш. Т. АДЫЛОВ

**К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
И ФОРТИФИКАЦИИ БУХАРЫ**

Историческое прошлое Бухары, особенно позднего феодализма нашло более или менее широкое отражение в различных источниках и литературе, однако древнейший период оставался малоизученным, что настоятельно требовало обращения к остаткам материальной культуры города. Стратиграфическими раскопками 1970—1974 гг. под руководством И. Ахрарова в двух пунктах старгородской части Бухары (у торгового купола Токи-Заргарон и музея Зиндан) были достигнуты нижние культурные слои, датированные соответственно серединой I тыс. до н. э. и IV—III вв. до н. э.¹ В 1977—1980 гг. авторами были заложены стратиграфические раскопы у медресе Мир-и-Араб, в квартале Сарай-Кази-Калян и на кухендизе города — Арке, позволившие уточнить датировку нижних слоев города в пределах IV—II вв. до н. э.² Не останавливаясь подробно на результатах последних раскопок, выделим наиболее важные моменты. Арк располагался на естественном лессовом всхолмлении, густо покрытом в древности тугайной растительностью. Общая мощность культурных

¹ Ахраров И. Археологическое изучение Бухары. — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1973, с. 178; Ахраров И., Усманов З. И. Новые данные к истории Бухары. — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 98—106.

² Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Д. К., Адылов Ш. Т. Керамика античных слоев Бухары. — Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Ташкент, 1979, с. 16; Они же. Керамика нижних слоев Бухары. — ИМКУ, вып. 17, 1982, с. 95; Мухамеджанов А. Р. Стратиграфический шурф на цитадели Бухары. — ИМКУ, вып. 18, 1983, с. 62—64.

напластований Арка составляет около 21 м. На XXV—XXXI ярусах шурф прорезал мощную пахсовую стену оборонительного назначения, датированную второй половиной IV — началом V в. Она была воздвигнута поверх аналогичной первых веков до н. э. (ярусы XXXI—XXXVIII), и разделяет две оборонительные стены тонкая прослойка надувного песка. Мощность культурных напластований в шурфе на территории квартала Сарай-Казы-Калян достигает 18 м. На VI—XVII ярусах шурф прорезает оборонительную раннесредневековую стену, возведенную из пахсы с редкими включениями сырцовых кирпичей размерами $40—42 \times 23—28 \times 8—10$ см.

Наиболее важные данные в плане изучения как стратиграфии, так и исторической топографии и фортификации города, были получены в результате раскопок у медресе Мир-и-Араб. Мощность культурных напластований в данной местности превышает 17 м. Над материком, состоящим из отдельных пластов речного песка, супеси, находится илистый слой мощностью от 40 до 70 см, густо насыщенный костями животных и обломками керамики. Толщина его постепенно увеличивается по направлению с севера на юг в сторону медресе Мир-и-Араб, под которым достигает 7,5 м (это удалось установить в результате закладки разведывательного шурфа вблизи памятника). Илистый слой и структура подстилающего его материка свидетельствуют о том, что когда-то в древности здесь проходил один из дельтовых протоков Зарафшана. Затухающее русло его впоследствии было покрыто густыми зарослями, превратившимися со временем в илистый пласт. Все это подтверждает данные Наршахи о том, что место, где теперь располагается город, было раньше болотом, частично заросшим камышом, а частично занятым деревьями и лужайками³.

Стратиграфические раскопки показывают, что на протяжении своей более чем двухтысячелетней истории город развивался на одном и том же месте, что, естественно, затрудняет выявление границ ядра Бухары в период, предшествующий арабскому завоеванию. Кухендиз Бухары — Арк в настоящее время представляет собой в плане семиугольный, приближающийся к ромбу, холм площадью 3,47 га и высотой 20 м.

Древний шахристан, полностью погребенный под поздними наслоениями, располагался отдельно к востоку на расстоянии 120 м от кухендиза. По данным Наршахи, ко времени арабского нашествия площадь шахристана была не очень велика и оставалась в тех же пределах до X в.⁴ Северная стена шахристана прослеживается от пункта Саманбазар к востоку на 320—380 м, не доходя около сотни метров до современной ул. Пионерской в районе кладбища Ходжа-Сафиён-Саури. Зачистки внешнего фа-

³ Мухаммад Наршахий. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966, б. 15—16.

⁴ Там же, б. 34.

сада северной оборонительной стены, проведенные около двух вышеназванных пунктов, показали, что она выложена в нижней части из пахсы, высотой до 60 см, а в верхней — из пахсы с включением сырцовых кирпичей размерами $32-50 \times 19 \times 9-11$ см. Высота сохранившейся части стены около 6 м. Западная оборонительная стена в виде вала отмечена от Зиндана до современной ул. Коммунаров на протяжении 300—340 м. Восточную и западную оборонительные стены шахристана визуально выявить трудно. На топографическом плане древнейшей части города, опубликованном Л. И. Ремпелем, предполагаемая линия восточной оборонительной стены проходит вдоль улицы XIX в. (ныне ул. Пионерская), ведущей к Самаркандским воротам, а южная прослеживается по обрыву от педагогического техникума до медресе Туркман параллельно руслу Шахруда. Площадь шахристана периода раннего средневековья им определяется в 30—35 га⁵.

Как показывают топографические наблюдения, вдоль ул. Пионерской в микрорельефе не прослеживаются остатки стен или возвышения. Что касается линии южной оборонительной стены, то, как уже упоминалось, при раскопках в квартале Сараи-Кази-Калян чуть севернее обрыва действительно обнаруживаются ее остатки. Ранее, в 1977 г., в результате раскопок близ медресе Мир-и-Араб, была обнаружена другая оборонительная стена с предвратным сооружением, которая в следующем году была вскрыта по внешнему фасаду на протяжении 36 м. Одновременно сотрудником Института археологии АН УзССР М. Туребековым был заложен разрез перпендикулярно фасаду размером $16 \times 2,5$ м в плане и доведен до глубины 12—17 м. В результате раскопок данная оборонительная стена была охарактеризована как южная стена шахристана, предвратное сооружение — как южные ворота (Атторон), толщина оборонительной стены определена в пределах 17 м, а время возведения ее датировано второй половиной VI в.⁶ Он же провел предполагаемую линию восточной оборонительной стены шахристана, которая начинается в районе кладбища Ходжа-Сафиён-Саури, затем, не доходя около сотни метров до ул. Пионерской, направляется далее на юг и смыкается с южной в районе медресе Улугбека. Северо-восточный угол оборонительной системы достаточно четко просматривается в микрорельефе.

Таким образом, по данным М. Туребекова, шахристан Бухары имел прямоугольную планировку и размеры $300-360 \times 250-300$ м, т. е. примерно 8—11 га⁷. Не подвергая сомнению локали-

⁵ Ремпель Л. И. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары). — В сб.: Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962, с. 216—217.

⁶ Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. — Автореф. канд. дисс. М., 1981, с. 11.

⁷ Там же. Данные М. Туребекова несколько неточны. По уточненным данным площадь составляет $320-380 \times 300 \times 340$ м, т. е. 10—13 га.

зацию линии восточной оборонительной стены, авторы позволяют себе не согласиться с определением ее толщины в пределах 17 м. Вызывают также недоумение сравнительно небольшие, даже в масштабах Бухарского оазиса, размеры шахристана, несмотря на определенно четкие его очертания. Если оборонительная стена с предвратным сооружением, обнаруженная в шурфе у медресе Мир-и-Араб, действительно является южной стеной раннесредневекового шахристана Бухары, то что же можно сказать об оборонительной стене на окраине квартала Сараи-Кази-Калян. Принадлежность последней к загородному замку при наличии подстилающих ее мощных слоев со следами развитого ремесленного производства и архитектуры маловероятна.

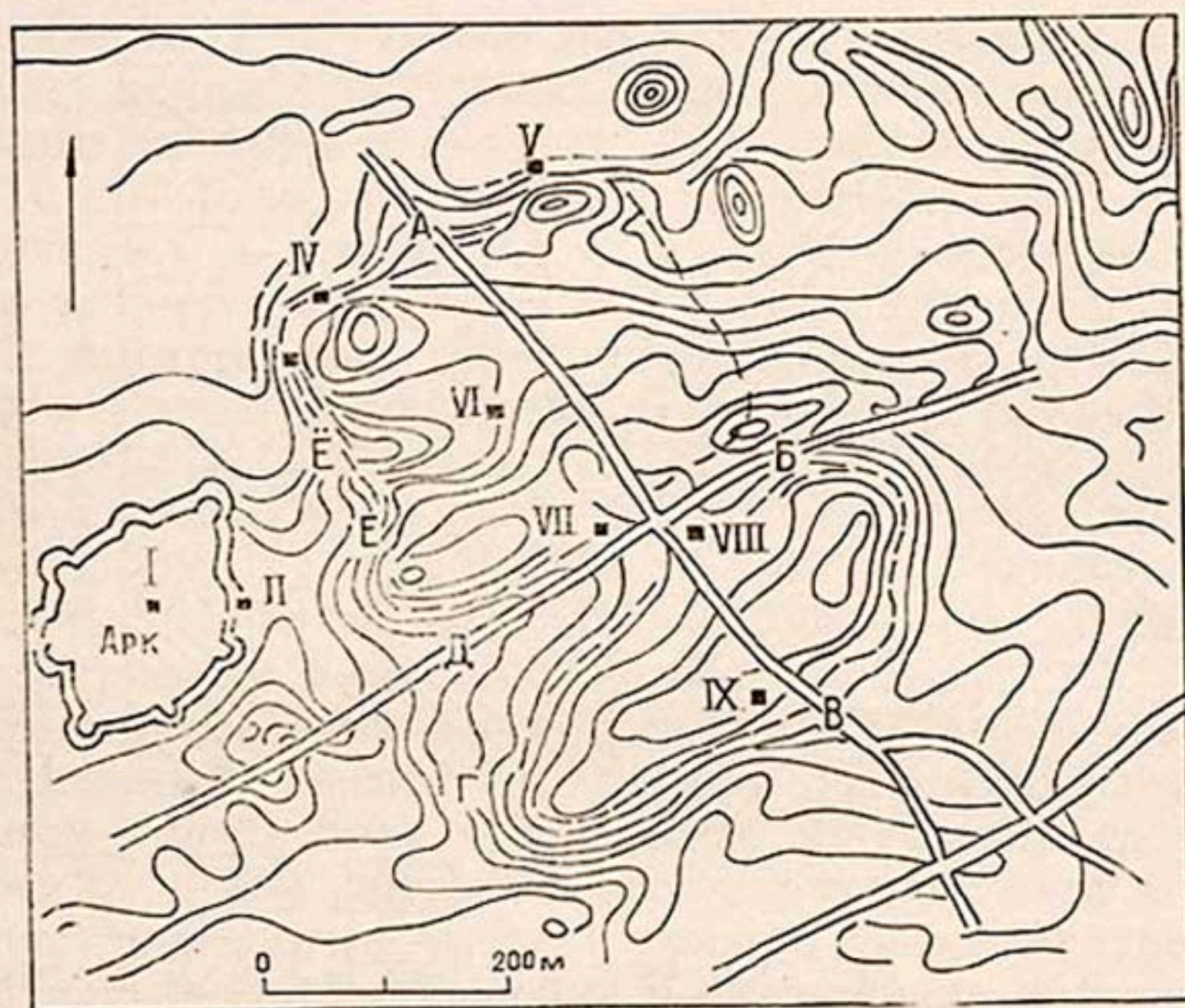

Рис. 1. Топографический план древнейшей части Бухары. Пунктирной линией обозначены предполагаемые контуры северного и южного массивов в VI в. Римскими цифрами обозначены пункты важнейших стратиграфических раскопок:

I — шурф на заповедной территории Арка; II — разрез крепостной стены Арка; III — шурф у музея Зиндан; IV — зачистки крепостной стены у Саманбазара; V — зачистки крепостной стены у кладбища Ходжа-Сафиён-Саури; VI — разведочный шурф геологов; VII — шурф у медресе Мир-и-Араб; VIII — шурф у купола Токи-Заргарон; IX — шурф в квартале Сараи-Кази-Калян. Буквами обозначены предполагаемые пункты размещения ворот: А — Хак-Рах (Хуфра); Б — Наук (Нур); В — Атторон; Г — Бани-Са, д; Д — Бани-Асад; Е — Кухендиз; Е — Железные (Аханий).

Может существовать только одно объяснение фактам: к началу раннесредневекового периода шахристан Бухары состоял из двух отдельных независимо укрепленных массивов. О контурах и размерах первого уже говорилось. Второй же располагался на территории нынешнего квартала Сараи-Кази-Калян и, судя по микрорельефу, имел вытянуто-округлую форму, приближающуюся к эллипсу (рис. 1). В пределах предполагаемых контуров площадь второй части шахристана составляет 7—8 га. Линия север-

ной оборонительной стены этого массива предположительно проходит чуть южнее медресе Мир-и-Араб и мечети Калян, параллельно современной ул. Ибадова, и действительно в микрорельефе данной местности явно отмечается возвышение. Южная оборонительная стена второго массива являлась после слияния его с первым и южной оборонительной стеной единого шахристана, и ворота Аттрон должны располагаться именно по этой стене. Таким образом, оборонительная стена, обнаруженная у медресе Мир-и-Араб, является южной только для первого массива. Чтобы выяснить истинные размеры стены, последовательность воздвижения и датировку, вновь обратимся к ее разрезу (рис. 2).

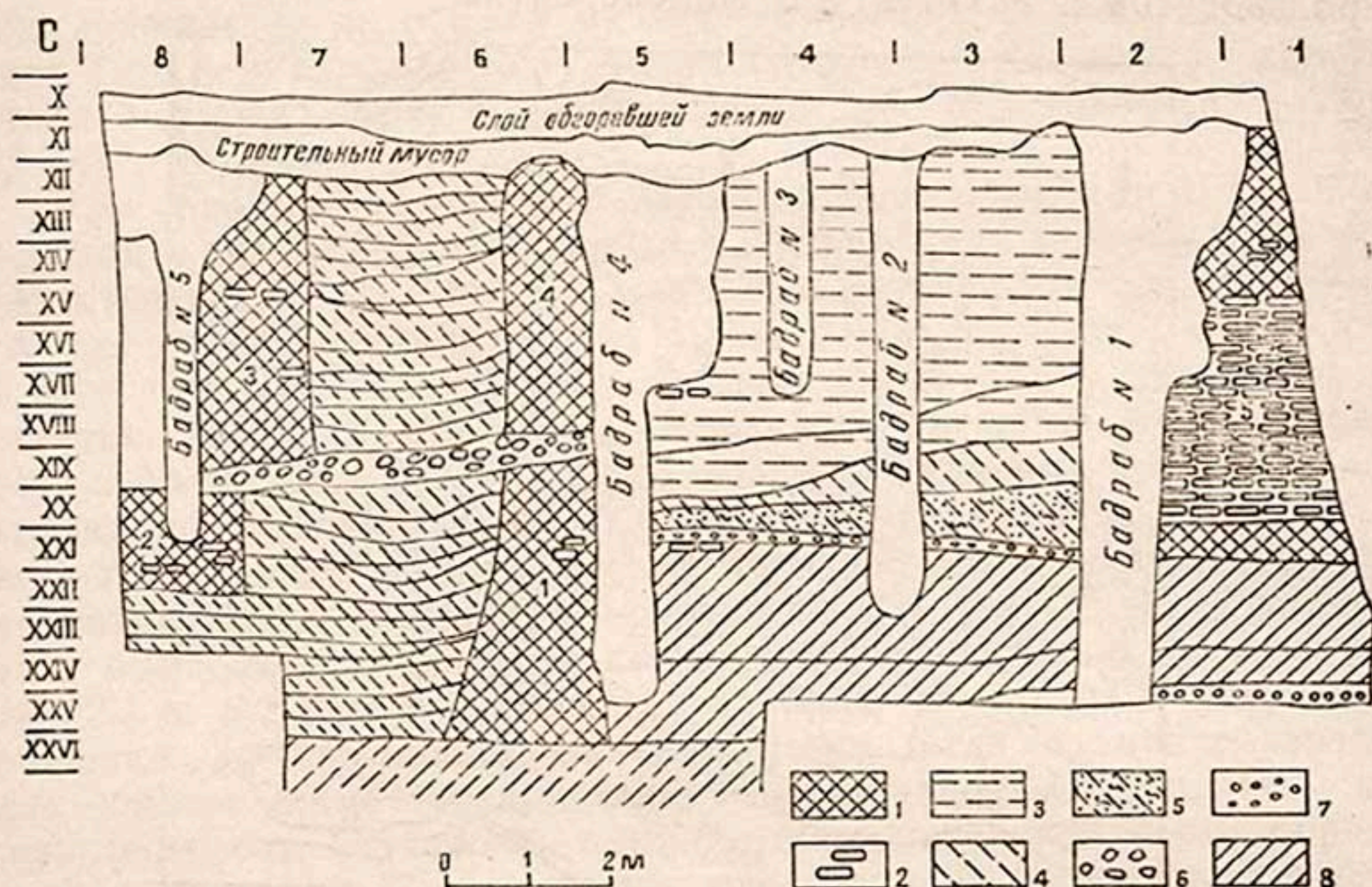

Рис. 2. Стратиграфический разрез шурфа у медресе Мир-и-Араб:

1 — пахса; 2 — кладка из сырцовых кирпичей; 3 — слой плотного грунта со строительным мусором и песчаными линзами; 4 — утопанные наносные прослойки с включением золы, мелких фрагментов керамики и костей животных; 5 — слой комковатого лесса коричневого цвета с включением песка; 6 — завал из кусков пахсы и сырцовых кирпичей; 7 — зольная прослойка; 8 — слой земли коричневого цвета с включением песка и керамики кон. V — пер. пол. VII вв.; 9 — слой уплотненной земли коричневого цвета с включением горелых и песчаных прослоек и керамики III—V вв.

На I—III ярусах по всей площади разреза отмечен слой в виде шлакового завала, относящийся к XX в. Завал подстилает тонкая прослойка извести, также относящаяся к нашему веку. На IV—V ярусах отмечен слой в виде строительного мусора (обломки жженных кирпичей, куски известняка, ганчевая крошка), золы и угольков. В слое отмечено несколько фрагментов керамики второй половины XIX в. На VI—VIII ярусах располагается слой XVI—XVIII вв. Он, помимо поливной керамики, включает также строительный мусор и кости животных. Слой XVI—

XVIII вв. подстиляет известковый слой местами толщиной до 50 м, а под известковым слоем начинается слой XIV—XVI вв., который представляет собой рыхлый коричневый грунт земли с включением фрагментов поливной керамики и строительного мусора. Данный слой прослеживается примерно до конца IX яруса, а по всему X ярусу отмечен слой обгоревшей земли, который, возможно, является следами пожара, вызванного Хулагуидским нашествием. Это предположение подтверждается находкой в следующем слое, представляющем собой завал из кусков сырцовых и жженных кирпичей, фрагментов поливной керамики XI—XIII вв. Примерно с XI яруса идут слои интересующего нас периода.

На XI—XXV ярусах раскоп прорезал пять мощных пахсово-кирпичных сооружений.

Сооружение № 1. Отмечено на XIX—XXV ярусах в вертикалях 5—6. Оно целиком построено из пахсы, лишь кое-где отмечены единичные контуры сырцовых кирпичей шириной 25—30 и толщиной 10 см. Толщина сооружения у основания 2 м, в верхней части около 1 м, высота 3,5 м. Южный фасад в месте разреза частично затронут бадрабом № 3⁸. Слой, подстилающий сооружение № 1, представляет собой уплотненный грунт коричневого цвета с песчаными и обгорелыми прослойками. Из него получен небольшой комплекс керамики III—V вв. К северу от сооружения № 1 в вертикалях 6—8 на XIX—XXV ярусах отмечено 13 постепенно поднимающихся уровней полов. Между ними располагались утопанные наносные прослойки с включением золы, мелких фрагментов керамики и костей животных.

Сооружение № 2. Частично затронуто на северном конце траншеи в вертикали 8. Высота сооружения 1,5 м. Оно располагается на восьмом уровне пола и сооружено из пахсы с единичными включениями сырцовых кирпичей тех же размеров, что и в сооружении № 1. Тринадцатый уровень пола, а также парапеты двух сооружений перекрывает прослойка в виде завала из кусков сырцовых кирпичей и мелких фрагментов керамики. В вертикалях 6—7 на XII—XVII ярусах отмечено еще 14 аналогичных уровней полов, которые располагались между сооружениями № 3а и № 3б.

Сооружение № 3а. Отмечено в вертикалях 7—8. Сложено из пахсы с включением сырцовых кирпичей размерами 42—43×23—25×8—9 см. Северный фасад в месте разреза частично затронут бадрабом № 5. Высота сооружения около 4 м, толщина у основания по разрезу 1,7 м.

Сооружение № 3б. Отмечено в вертикалях 5—6. Выложено из пахсы с включением единичных сырцовых кирпичей того же формата, что и в сооружении № 3а. Высота его 3,5 м, толщина у основания по разрезу 1 м, в верхней части 0,8 м. Южный фасад стены в месте разреза частично затронут бадрабом № 4.

Сооружение № 4. Отмечено в вертикалях 1—2 на XI—XXI яру-

⁸ Кроме пяти бадрабов, отмеченных в восточной стороне траншеи, ею прорезано или полностью захвачено еще шесть бадрабов на западной стороне.

сах. Его северный фасад в месте разреза частично затронут бадрабом № 1, а южный — при рытье шурфа. Толщина сохранившейся части сооружения по разрезу у основания 2,5 м, высота 5 м. Нижняя часть высотой 60 см построена из пахсы, над ней сооружена кладка из сырцовых кирпичей размерами 40—43×23—25×8—10 см, чередующаяся со слоями глины толщиной 10—20 см. Слои, подстилающие сооружение № 4, представляют собой грунт коричневого цвета с включением песка и датируются керамикой конца V—перв. пол. VII в. Пространство между сооружениями № 3б и № 4 заполнено сначала мощным слоем плотного грунта со строительными остатками и песчаными линзами (ярусы X—XVIII), затем слоем чистого плотного лесса с зольной прослойкой (ярусы XVIII—XIX), слоем комковатого лесса коричневого цвета с включением песка (ярусы XIX—XXI) и наконец тонкой зольной прослойкой. Никакого датирующего материала из этих слоев не получено.

В основном четкую структуру наслоений несколько нарушают многочисленные бадрабы, стенки которых часто упираются в фасады сооружений, не позволяя при этом судить об их истинных поперечных размерах. К сожалению, при раскопках на разрезе М. Турбековым не проводилась параллельно полная расчистка бадрабов и поперечные размеры сооружений остались неустановленными. Однако, судя по диаметрам бадрабов, эти размеры немалого превышали полученные на разрезе — от нескольких десятков сантиметров до 1 м. Поскольку для бадрабов необходима плотная структура грунта, они вырывались либо полностью в стенах, либо частично их затрагивали.

Расстояние между крайними сооружениями № 2 и № 4 составляет 17 м. М. Турбеков рассматривал все пять сооружений как единовременные составные части крепостной стены второй половины VI в., следствием чего и является явно ошибочное определение ее толщины в данных пределах. Вернее было бы сказать, что ко второй половине VI в. система сооружений в общих чертах приобрела тот вид, который представлен на разрезе (если исключить из стратиграфической картины более поздние бадрабы). Тщательные исследования документации и материалов, оставшихся после работ на разрезе, позволили установить, что траншея прорезала несколько разновременных стен.

Сооружение № 1 является стеной, вероятно, второй половины V в. (во-1-х, стена воздвигнута поверх слоя, в котором встречается керамика втор. пол. IV—V вв.; во-2-х, слои с керамикой конца V—VII вв. частично закрывают ее южный фасад и сооружение № 1 оказывается как бы зажатым между двумя хронологическими горизонтами). Не совсем ясно, когда было построено сооружение № 2. Оно могло возникнуть и несколько позже первого, и одновременно с ним.

Оба случая в равной степени вероятны и будут рассмотрены в отдельности. Если сооружение № 1 функционировало до появ-

ления сооружения № 2, то оно не имело специального оборонительного назначения. Толщина его невелика, поэтому вряд ли на верхней грани постройки к моменту возникновения имелись брустверы. Можно предполагать наличие в стене щелевидных бойниц. В любом случае сама по себе эта стена выполняла определенные защитные функции, однако не способна была преградить путь крупным воинским соединениям с осадной техникой. Когда позже толщина стены была увеличена за счет пристройки к северу от нее, то есть к внутреннему фасаду, еще одной стены — сооружение № 2, возникшая система двух сооружений явилась стеной уже, безусловно, оборонительного назначения. Конечно же, мысль о том, что она приобрела оборонительное назначение за счет внутренней пристройки в ущерб полезной внутристенной площади может вызвать некоторое недоумение и недоверие, однако в пользу этого говорят, во-первых, последовательность наслоений, во-вторых, чисто практическая сторона вопроса. При увеличении мощности стены за счет внутренней пристройки расходуется гораздо меньше средств и труда, чем при строительстве чисто внешней «рубашки». Это лишний раз подтверждается аналогичной картиной на кухендизе Пайкенда⁹. Кроме того, для внешней пристройки требуется прочный фундамент, которого к тому времени не имелось.

Внутренний фасад сооружения № 1 сопровождают 12 утопанных прослоек с включением золы, мелких фрагментов керамики и костей животных. Поверх седьмой прослойки располагается фундамент сооружения № 2 и пространство между сооружениями выглядит как коридор, заполненный еще пятью прослойками аналогичной структуры. Возникновение нижних семи прослоек можно объяснить следующими причинами. Верхняя грань сооружения № 2 должна располагаться на том же уровне, что и у сооружения № 1, но для этого не обязательно делать сооружение № 2 по высоте равным первому. Вполне достаточно создать высокий и прочный фундамент из прослоек с включением мусора, каждую из которых тщательно утрамбовать для общей прочности. Возможно, пространство между сооружениями является внутренним стрелковым коридором составной оборонительной стены, однако практика показывает, что забутовка стрелковых коридоров обычно отличается более рыхлой и сплошной структурой. Более вероятно, что функционального назначения этот коридор не имел, т. е. образовавшаяся оборонительная стена состояла из двух облицовок и забутованного пространства между ними. Забутовка могла осуществляться одновременно со строи-

⁹ При раскопках на кухендизе Пайкенда в 1981 г. было установлено, что оборонительная стена втор. пол. IV — нач. V в. н. э. была воздвигнута поверх стены III—II вв. до н. э., захватив под фундамент еще и некоторую часть прежней внутристенной площади кухендиза. См.: Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Д. К., Адылов Ш. Т. Новые данные к истории городища Пайкенд. — ИМКУ, вып. 19, 1984, с. 102—104.

тельством сооружения № 2, и подтвердить это можно на примере конструкции стены раннесредневековой башни Варахши. Эта стена также состоит из внешней и внутренней облицовок и пространство между ними заполнено прослойками земли с включением мусора, причем земля насыпалась строго горизонтальными пластами, соответственно каждому ряду кирпичей (т. е. одновременно) и утрамбовывалась¹⁰.

Сооружение № 2 в основе пахсовое и как всякое сооружение этого типа состоит из многочисленных пластов спрессовавшейся и затвердевшей глины. Обычно границы между этими пластами в стенах если и не исчезают полностью, то просматриваются с трудом. Возможно, и в данном случае утрамбованные прослойки земли возникли соответственно пластам пахсы. Даже в том случае, если система сооружений № 1 и № 2 единовременная, ее строительство было начато с воздвижением первого из них по той технологии, о которой говорилось выше. Когда высота сооружения № 1 достигла двух метров, ей сопутствовали уже семь утрамбованных прослоек земли, однако внутренней облицовки еще не было. Она появилась на восьмом уровне и строительство обоих сооружений стало вестись параллельно.

Независимо от того, был или не был хронологический разрыв между возникновением обоих описанных сооружений, можно точно утверждать, что к концу V в. в данной местности возникла оборонительная стена. Верхнюю ее грань перекрывал завал из обломков сырцовых кирпичей и кусков пахсы — возможно, остатки бруствера, который был срублен при строительстве новой стены поверх старой. В разрезе эта новая надстройка выглядит как отдельные сооружения № 3а и № 3б, а также коридор между ними, заполненный многочисленными утрамбованными прослойками. В действительности это единая стена, сооруженная по уже упомянутой технологии. При строительстве еще одной стены — сооружения № 4, между ней и более ранней оборонительной системой образовался коридор. Забутовка коридора и ее характер указывают на необходимость этого пространства, впрочем следы архитектуры могли и не сохраниться. Следовательно, есть основание считать сооружение № 4 стеной-облицовкой.

Сходную картину обнаружил В. А. Шишкин при раскопках на кухендизе Варахши. Искусственный стилобат, на котором располагается монументальное здание кухендиза, состоит из каркаса облицовочных стен и забутованного внутреннего пространства. В. А. Шишкин отмечал, что не может точно сказать, существовали ли на этой территории (т. е. на забутованном пространстве) какие-либо сооружения¹¹. Как уже упоминалось, при расчистке внешнего фасада сооружения № 4 в шурфе было обнаружено предвратное сооружение, которое М. Туребеков ошибочно отождествил с воротами Аттрон. Высота его около четырех метров,

¹⁰ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963, с. 42.

¹¹ Там же, с. 85.

ширина около двух, боковые стены выложены из жженных кирпичей размерами $20 \times 20 \times 3$ см и $31 \times 31 \times 3$ см. Это впоследствии забутованное сооружение имело вид коридора со сводчатым перекрытием и могло выводить к воротам и более ранней внутренней стене, в данном случае к стене № 3 (системе сооружений № 3а и № 3б).

С постройкой сооружения № 4 окончательно оформляется система оборонительных стен северного массива шахристана. Возможно, одновременно велось строительство и на южном массиве. Здесь также мощность оборонительных стен увеличилась за счет не только прилегающего внешнего, но и внутреннего пространства. Иначе нельзя объяснить тот факт, что обнаруженная в шурфе на территории квартала Сарай-Казы-Калян раннесредневековая оборонительная стена оказалась (может быть частично) непосредственно поверх более древних слоев со следами обживания.

По данным Наршахи, стены шахристана Бухары были воздвигнуты во время правления принца Шери-Кишвара¹², которое, как принято считать, приходится на вторую половину VI в.¹³ Сооружение № 4 — наиболее значительная оборонительная стена-пристройка раннесредневекового северного массива шахристана. Допустимо, что и к ней в раннесредневековый период пристраивались внешние стены, но, безусловно, весьма незначительные. Они могли возводиться на отдельных ограниченных аварийных участках в качестве подпорок, но отнюдь не для укрепления массива в целом. В противном случае они имели бы вид каре и непременно были бы обнаружены в шурфе.

При зачистках оборонительной стены у пунктов Саманбазар и Ходжа-Сафиён-Саури были отмечены те же конструктивные особенности, что и на сооружении № 4 в шурфе у Мир-и-Араб. Итак, хорошо просматривающиеся в микрорельефе западную и северную границы северного массива образует фасад сооружения № 4. По масштабам строительства оно намного превосходило все предыдущие, и Наршахи, скорее всего, имеет в виду именно эту стену и предполагаемую синхронную постройку на южном массиве. Кроме того, датировка сооружения № 4 второй половиной VI в. подтверждается на археологическом материале¹⁴.

По нашему мнению, сведения Наршахи следует уточнить, а именно: при Шери-Кишваре окончательно оформились два отдельных массива шахристана. Если датировать сооружение № 4 второй половиной VI в., а сооружение № 1 первой половиной V в., то стратиграфически зажатые остальные сооружения будут да-

¹² Мухаммад Наршахий. Бухоро тарихи, б. 17.

¹³ Ремпель Л. И., Пугаченкова Г. А. Бухара. М., 1959, с. 5—6.

¹⁴ Сооружение № 4 располагается поверх слоя, в котором отмечена керамика конца V — перв. пол. VII в., однако аналогичная посуда, датируемая пока в тех же широких пределах, отмечена в стратиграфически последующем слое, частично перекрывающем внешний фасад.

тироваться в этих пределах. Сооружение № 2, учитывая его не совсем ясное отношение к сооружению № 1 и неопределенный хронологический разрыв между ними (если был таковой), следует датировать в широких пределах всего V в., но, разумеется, не ранее сооружения № 1.

Таким образом, сооружения № 1 и № 2, а также сопровождающие их утрамбованные прослойки в совокупности являются оборонительной стеной V в., а сооружения № 3а и № 3б с прослойками — единовременной оборонительной стеной-надстройкой конца V — первой половины VI в. Все эти разновременные постройки были слиты в единую оборонительную стену с общей мощностью по основанию 17 м, которая, однако, в таком виде функционировала недолго. Определенно можно сказать, что в IX—X вв. она не играла прежней роли, поскольку в ней стали появляться многочисленные бадрабы. Траншея не затронула укреплений более раннего периода (обводных или специализированно-оборонительных стен), в том числе сооруженных до н. э., однако в их существовании вряд ли приходится сомневаться.

Как уже отмечалось, и на южном массиве в раннесредневековый период наверняка существовала аналогичная оборонительная система в виде стен-надстроек и пристроек. Оборонительная стена в квартале Сараи-Кази-Калян — одна из них. Нам неизвестно ее точное стратиграфическое расположение в оборонительной системе южного массива, и датировать ее следует в пределах конца V—VI вв.¹⁵

Подводя итоги стратиграфическим и топографическим работам на территории древнейшей части города, можно в общих чертах представить картину его возникновения и развития. В древности шахристан Бухары разделялся на северный и южный массивы протоком Зарафшана. Его вода питала крупный водоем (ныне исчезнувший) юго-западнее Арка, упоминаемый в источниках¹⁶. Проток использовался жителями в качестве естественного рва, заполненного водой. Ширина рва, если учесть примерное расстояние между линией южной оборонительной стены северного массива и предполагаемой линией северной оборонительной стены южного массива, колебалась в пределах 80 м. Однако первоначальная ширина протока намного превышала 100 м, ибо по мере его обмеления и высыхания северный и южный массивы сближались, наступая на его берега и отвоевывая все новые пространства. Именно на них и воздвигались новые ряды укреплений, однако на определенных этапах это не представлялось возможным из-за рыхлости фундамента, высокого уровня воды и

¹⁵ Стена располагается поверх слоя втор. пол. IV—V вв., а в ее структуре не отмечено материалов позднее конца V — перв. пол. VII в. Перекрывают стену слои периода развитого средневековья, начиная с X в. В связи с тем, что на северном массиве отсутствуют оборонительные стены VII—VIII вв., то же самое, скорее всего, было и на южном.

¹⁶ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 241.

недостатка средств — явлений, естественно, временных. Между тем обстановка требовала увеличения мощности укреплений, и получалось так, что волей-неволей это приходилось делать за счет внутренних пристроек в ущерб полезной внутривосточной площади.

Наглядной иллюстрацией сказанному является сооружение № 2 (только в том случае, если сооружение № 1 существовало

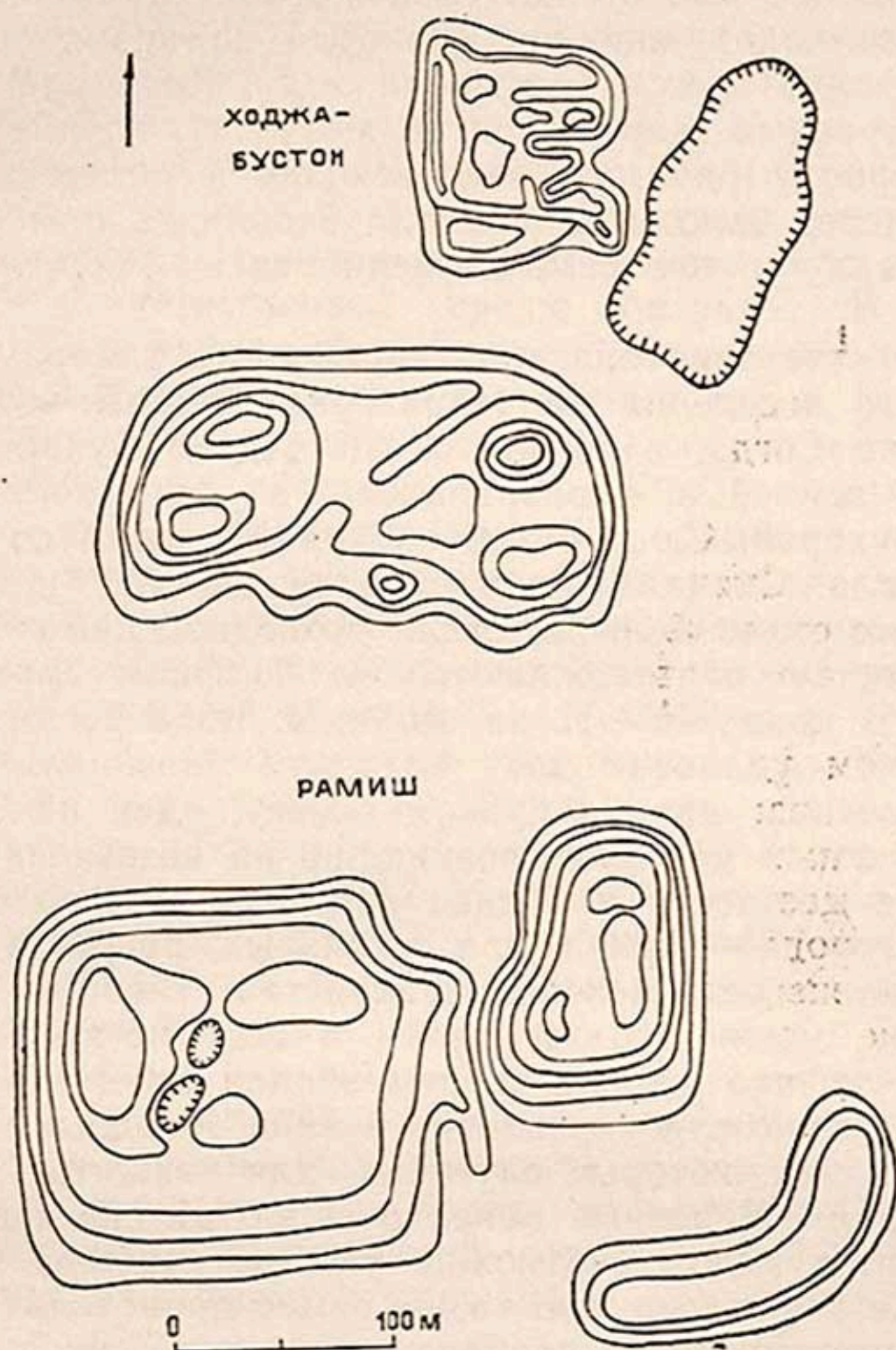

Рис. 3. Древние пункты расселения.

самостоятельно). Постройка стены-облицовки — сооружения № 4 — на некотором удалении от более ранней системы сооружений № 1—3 диктовалась необходимостью создания не только нового мощного яруса обороны, но и предохранения укреплений от оседания и крена, ибо их фундаменты в данной местности не могли отличаться особой прочностью.

Со временем проток стал играть и негативную роль в жизни разрастающегося города, угрожая наводнениями во время поло-

водий. Поэтому местные жители постепенно осушали его, создавая на его основе сеть каналов и арыков и систему шлюзов в предместьях города. У ал-Мукаддаси есть упоминание о двух шлюзах: первый располагался выше города в местности Фашун, а второй, под названием Рас-ал-Вараг, ниже города¹⁷. Верхний шлюз служил для регулировки подачи воды в городские каналы и арыки, а также для отвода ее излишков во время половодий, нижний — для подпруживания Шахруда во время маловодий, а в половодье через него сбрасывали воду. Хотя ал-Мукаддаси и не указывает время сооружения шлюзов, оно вполне может восходить к периоду раннего средневековья и более раннему. Добавим, что через шлюзы вода могла заполнять рвы перед стенами шахристана и тем самым увеличивать обороноспособность города.

Наршахи отчетливо описал историческую панораму возникновения первого поселения на территории Бухары: «Образовалась большая река Согда, и то место, где сейчас Бухара, понемногу заполнялось землей и выравнивалось, а это заполненное место сделалось Бухарой. Сюда стали собираться люди со всех сторон и место ожило. Сначала люди строили шалаши и палатки, потом, когда их стало больше, стали возводить дома»¹⁸. Эти сообщения полностью подтверждаются на большом археологическом материале. В конце IV—II вв. до н. э. по берегам протока на незначительном удалении друг от друга возникли по крайней мере три массива: два на правом берегу, один на левом. Один из правобережных массивов, возникший на возвышенном от протока участке местности и вблизи водоема, впоследствии перерос в кухендиз города — Арк, а два остальных, разрастаясь и соединяясь, — в раннесредневековый шахристан. Вначале роль укреплений вполне могли играть овраги и болотистая местность, но возможно и то, что уже на первых этапах своего существования все три массива имели укрепления в виде обводных, если не оборонительных стен, которые служили для защиты от врагов и хищных зверей. В первые века до н. э. массив на территории Арка обносится рядом (возможно уже не первым) оборонительных стен. Не исключено, что то же самое происходит с остальными двумя массивами. Со временем площади всех трех массивов увеличиваются за счет дальнейшего осушения земель и пристроек.

Таким образом, в конце IV—II вв. до н. э. — V—VI вв. н. э. на значительной территории Бухары располагался крупный населенный пункт с высоким уровнем ремесленного производства, что позволяет относить его к пунктам городского типа. Данная реконструкция первоначального ядра города полностью подтверждается сравнительными аналогиями. Такие крупные древние

¹⁷ Там же, с. 253.

¹⁸ Мухаммад Наршахий. Бухоро тарихи..., б. 16.

пункты расселения, как Рамиш (Свердловский район Бухарской области, кишлак Рамиш) и Ходжа-Бустон (Кызылтепинский район Навоийской области, кишлак Ходжа-Бустон-Боязди), обживавшиеся с IV в. до н. э. по V в. н. э., имеют рассредоточенную планировку (рис. 3). Такой же рассредоточенный тип планировки в виде двух-трех, а иногда и четырех укрепленных и неукрепленных близко расположенных массивов имеют многие крупнейшие памятники низовьев Зарафшана и поселения средних размеров, возникшие одновременно с Бухарой или несколько позже. В их числе можно назвать такие городища, как Катта-Ходжа-Ишан¹⁹, Тараб²⁰, Калаи-Рамитан²¹, Ляйлякхур²², Кум-Соутан (Кум-Султан)²³ и многие другие. Возникновение этого весьма характерного для памятников региона планировочного типа можно объяснить, исходя из естественной среды обитания. В естественной среде дельтового района Зарафшана, покрытой цепью болот, мелких озер и густой сетью естественных русел (именно по их берегам и возникали первые поселения), естественно, ощущался недостаток обширных участков суши, пригодных для расселения. Ввиду этого иногда особенно крупные общности людей (роды или сельские общины) вынуждены были располагаться как бы на островках, рассредоточенно, хотя и на незначительном удалении друг от друга. Кроме того, подобный способ расселения на территории, окруженной болотами, камышовыми и тугайными зарослями, имеет и стратегические преимущества, на что еще в 1937 г. обратил внимание В. А. Шишкин при описании городища Тараб. Он писал: «Городище Тараб состоит из прямоугольного в плане холма высотой 10—12 м. Холм окружен со всех сторон плоской заболоченной низиной с солончаковой илистой почвой. Большой прямоугольный бугор — замок владельца или цитадель (диз). На других буграх — поселения при замке. Искусственно заболоченная низина окружала поселение с крепостью и играла роль широкого труднопроходимого рва, вероятно, заполнявшегося водой. Доступ в селение был возможен только по узкой дамбе с южного берега искусственного болота на восточный холм, и только отсюда по легко обороняемой дороге (дамбе) можно было попасть в цитадель-замок, служивший в случае нападения врага последним и наиболее надежным пристанищем»²⁴. Очевидно, аналогичная система обороны и связи некогда существовала и на территории Бухары. В свете вышеизложенных рассуждений про-

¹⁹ Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940, с. 7—8, рис. 4—5.

²⁰ Там же, с. 31—34, рис. 14—15.

²¹ Там же, с. 36—39.

²² Шишкин В. А. Варахша, с. 132, рис. 66.

²³ Шишкина Г. В. Археологическая разведка на городище Кум-Султан (Бух. обл.). — Известия АН УзССР. Научные работы. Кн. 3, Ташкент, 1961, с. 246—252.

²⁴ Шишкин В. А. Археологические работы, с. 33—34.

веденная О. Г. Большаковым реконструкция якобы первоначального плана Калаи-Рамитана²⁵ выглядит несостоятельной.

Во втор. пол. IV—нач. V в. укрепленный массив на Арке еще более возвышается над остальной территорией за счет постройки новой оборонительной стены над старой, а в VI в. на ней проводятся дополнительные работы²⁶. Это явилось завершением полного оформления Арка в качестве кухендиза, но чисто топографически, ибо в административном плане оно осуществилось.

В первые века н. э. на территории, окружавшей холмы-массивы, располагались относящиеся к ним поселения. В пользу этого говорят данные раскопок В. А. Шишкина в районе мечети Магоки-Аттори. Этот пункт находится вне черты первоначального ядра города, и здесь были открыты слои, соответствующие этому времени²⁷.

Обнаруженные в шурфе у медресе Мир-и-Араб доселе неизвестные, описанные в трудах средневековых географов и локализованные современными исследователями древние ворота Хакрах (Хуфра), Аханин, Кухендиз и Атторон (Базарные, Мадина), по-видимому, существовали еще до полного сближения массивов²⁸.

²⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Большаков О. Г. Средневековый город, с. 182—184, рис. 75.

²⁶ Туребеков М. Оборонительные сооружения, с. 11.

²⁷ Шишкин В. А. Раскопки в мечети Магоки-Аттори в Бухаре. — ТИИА АН УзССР. Вып. 7. Ташкент, 1955, с. 29—60.

²⁸ Названия ворот персидские или арабские, однако они вполне могут восходить к эквивалентным согдийским. К примеру, второе название ворот Атторон — Базарные, должно быть достаточно древним, ибо южнее еще в языческие времена располагался базар Мох (см.: Мухаммад Наршахий..., б. 26—27; Ремпель Л. И. Из истории градостроительства, с. 239). В одной из последних публикаций на основании прямых данных вакфных грамот XVI—XVII вв. востоковед Г. А. Джураева отождествляет ворота Аханин с воротами Атторон (см.: Джураева Г. А. Новые данные о воротах шахристана Бухары. — ОНУ, 1983, № 11, с. 39—43). Ранее этот факт отмечался И. И. Умняковым (Умняков И. И. К вопросу об исторической топографии Бухары. Ташкент, 1923, с. 150), М. Ю. Саиджановым (Саиджанов М. Ю. Бухоро шахри ва эски бинолари. Маориф ва ўқитувчи. Тошкент, 1923, № 3—4, б. 31) и Л. И. Ремпель (Ремпель Л. И. Из истории градостроительства на Востоке, с. 217, рис. 1). К сожалению, Г. А. Джураева не пытается сопоставить свои данные со сведениями более ранних источников (данных арабских географов), в которых при перечислении ворот шахристана Бухары, и по очередности расположения, всегда называются в числе прочих ворот и эти двое, т. е. Атторон (Мадина) и Аханин, совершенно независимо друг от друга (см.: Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии, с. 233). На основании арабских источников О. А. Сухарева правильно локализовала пропущенные у Наршахи ворота в северо-западном углу шахристана, дав им другие названия (Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки. Ташкент, 1958, с. 21), а О. Г. Большаков отождествил их с воротами Аханин (Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Цит. соч., с. 234). Мы присоединяемся к мнению О. Г. Большакова и считаем, что к периоду позднего средневековья (XVI—XVII вв.) отдельные ворота либо утратили первоначальные названия, либо исчезли совсем.

Случилось это после того, как ров, суживаясь и заполняясь, полностью исчез. После исчезновения рва какое-то время на его месте существовала магистраль, продолжавшая разделять оба массива, и арабы могли застать шахристан именно в таком, еще разделенном виде. Ров исчез в период, последовавший после постройки стены-облицовки (сооружение № 4), но предшествовавший времени захвата города Кутайбой-ибн-Муслимом, т. е. где-то в VII в. Во всяком случае Наршахи, описывая штурм города арабами, никаких сведений о рве не дает. Возникшие после слияния массивов магистральные ворота Бани-Асад, Нур (Нун—Нау), а также ворота Бани-Сад, уже своими названиями свидетельствуют об их сравнительно позднем происхождении²⁹. Сами по себе эти ворота занимали довольно узкие участки пространства, поэтому на оставшихся промежутках должны были находиться дополнительные отрезки стен, окончательно соединявшие оборонительную систему двух массивов. В свете новых данных, на востоке линия шахристана VIII—X вв. должна иметь не прямой, а коленчато-изогнутый вид, следовательно, ворота Нау должны располагаться на 100—150 м западнее точки, указанной на плане Л. И. Ремпеля. Площадь шахристана составляла не 30—35 га, как ранее считалось, а 21—25 га. Площадь раннесредневекового Арка, которая впоследствии значительно увеличилась за счет многочисленных «рубашек» поры развитого и позднего средневековья, без специальных раскопок установить невозможно. Если принять во внимание местонахождение стратиграфического шурфа на территории Арка, то предположительно его площадь составит 1—2 га. Арк стратиграфически рос в восточном направлении: при раскопках слоев XVII—XIX вв. были зафиксированы два ступенчатых подъема-площадки в сторону запада общей высотой около 3,8 м. Периоды развитого и позднего средневековья ознаменовались разрастанием территории города. Над исчезнувшим ровом стали возводиться архитектурные памятники: несохранившаяся мечеть Калян, минарет Калян, соборная мечеть Масджиди Жамэ, медресе Абдул-Азиз-хана, Мир-и-Араб и торговый купол Токи-Заргарон. Строительство цепи архитектурных памятников на месте исчезнувшего протока закономерно, так как земля в скученных условиях средневекового города была очень дорогой; их возводили на более дешевых пустовавших, предварительно осушенных полузаболоченных участках.

²⁹ «Нау» означает «Новые». «Бани-Асад» и «Бани-Сад» — названия арабских племен. Ворота Бани-Асад до ислама назывались воротами Мухра. Тот факт, что старые названия двух последних ворот так и не устоялись со временем, может в некоторой степени свидетельствовать в пользу их появления незадолго до арабского нашествия, поэтому процесс переименования и состоялся.